

Слава Юденков

ГУБА НЕ ДУРА

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Слава Юденков

Губа не дура

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Юденков С.

Губа не дура / С. Юденков — «ЛитРес: Самиздат», 2017

Поколение "без царя в голове". Слова "иерархия" и "работа" - не для них. Их профессия - делать деньги из воздуха. Они живут в мире искаженных моральных ценностей, где стерты практически любые грани, где так легко возомнить себя "отцом игры". История о троих друзьях-покеристах, которые пытаются "подняться" в современном мегаполисе. История про криминал, но не о криминале. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Предисловие	6
Часть 1. Как карта ляжет	7
Украина. Весна 2014 года	8
Часть 2. Артисты	40
Январь 2015 года	41
Конец ознакомительного фрагмента.	45

В оформлении обложки использовано фото автора произведения, Вячеслава Юденкова

Предисловие

Каждый из нас слышал фразу «романтика 90-х». Это было культовое время, но оно прошло, и уже бессмысленно заглядывать туда и бесконечно передергивать на истории тех лет. А что известно о романтике наших дней? Кто-то говорит, что ее нет, что мы живем в обществе потребления, которому чуждо все, кроме денег. Бред. Романтика – это не красивые картинки, а своеобразная атмосфера, восприятие мира и жизни в целом. Молодое поколение всегда задавало тон обществу – так происходит и до сих пор. Легкие деньги, неустойчивые моральные принципы, повсеместное подражание, доступность, наркотики – основные составляющие котла, в котором мы сегодня варимся. Это ни плохо, ни хорошо, ведь на всех такое зелье влияет по-разному.

Процентов на семьдесят эта книга состоит из реальных историй реальных людей. И на сто процентов из реальных переживаний. В ней много обобщений, которые не нужно воспринимать буквально. Их единственная цель – показать, какая она, романтика второго десятилетия двухтысячных.

Часть 1. Как карта ляжет

*С победою в руках мне будет падать мягче,
Ну а пока сияем ярче, назло лохам сияем ярче
Slim, «Независимость»*

Украина. Весна 2014 года

Небритой щекой Свят подпирает холодную, липкую стену. На нем черный блейзер и джинсы с потёртостями.

– Лучше бы с Дашкой кувыркался сейчас, – вздыхает парень, ворочаясь на твердой скамейке.

– Каждый раз так себе говорю, – ироничная ухмылка скользит по лицу ЭлЭма, молодого человека в темно-коричневом спортивном костюме.

С другого конца лавки доносится басистый голос:

– Да, вам еще полбеда, пацаны, а мне потом от жены откупаться, – дядя Игорь, лысоватый мужик в пиджаке и солнцезащитных очках, директор предприятия по производству стеклопластика, всегда любил поддержать беседу с молодежью. – Нахер этот покер сдался, спрашивается?

– И не говори, дядь Игорь, – ЭлЭм пытается втиснуться между Святом и полусознательным обдолбанным арабом. – Подвинься, – он локтем пихает второго, и тот безвольно повинуется, словно пластилиновый.

В тесном обезьяннике ажиотаж. На полу, прислонившись к стене, дремлют мужчины в деловых костюмах; у клетки обособленно трутся кавказцы с суровыми лицами; вороватого вида старики тихо говорят о своем, не предназначенном для чужих ушей. Жутко несет перегаром, табаком и сыростью. Зарешеченный островок забит настолько, что, когда «пэпэсы» привозят пятерых девочек, снятых со смены, их приходится закрывать в зале для заседаний. Хотя, с такой публикой барышни легкого поведения быстро нашли бы общий язык.

– Помню случай, когда «Белый рояль» накрыли, – продолжает дядя Игорь, привлекая косые взгляды кавказцев. – Тогда по всем городам шмон жесткий был. Нас там до утра мариновали, а потом, по беспределу, на целый день в отдел увезли. После этого случая чуть холостяком не стал.

По обезьяннику прокатываются смешки – каждый находит в истории что-то знакомое. Раздается хлопок, и в темном коридоре появляется следователь. На его сутулых плечах болтается льняная шведка, пшеничные волосы взлохмачены, в руках – стопка бумажек. Дав знак дежурному открывать, он шаркает к решетке:

– Кто из покерного клуба – расписываемся в повестках и на выход.

Щелкает замок, обезьянник оживает, начинаются шевеления. Громче всех шумят кавказцы. Следак стоит у выхода как унылое античное изваяние – в его глазах, голосе, осанке читается усталость от нагибаторской политики начальства. В действительности, он и сам бы предпочел провести пятничную ночь с подругой в теплой постели или в сауне с коллегами-менами. Но, чтобы старшие погоны получали конверты от владельцев подпольного бизнеса, кто-то должен совершать ночные рейды в казино, прессовать собравшийся там контингент и имитировать бурную следственную деятельность.

Постепенно сброд, что называется, жуликов, блатных и нищих покидает клетку.

– Свободен, – не поднимая взгляда, бормочет следак и выдает Святу корешок от повестки.

– Доброй ночи.

– Следующий.

Последними выходят старики, продолжая свою, казалось бы, нескончаемую беседу о чем-то важном. В обезьяннике остается один только араб – уронив голову на грудь, он пускает слюни на дорожную цветастую рубашку. Следователь смотрит на него с презрением и завистью.

– Блядь.

Старенькая «Шкода» въезжает во двор и тормозит под фонарным столбом. На лавке возле дома школьники пьют дешевое пиво и гогочут, опрокидывая совсем еще пустые головы к звездному небу. Из подъезда выходит человек в капюшоне и, бросив в адрес малолеток колкую шутку, садится на переднее сидение. За рулем – худощавый, коротко стриженный парень в кожаной куртке. В салоне приятно пахнет освежителем воздуха, негромко играет русский рэп. Через дворы машина выезжает на проспект и вливается в поток городских светлячков, став очередной точкой в созвездии автомобильных фар.

– Что расскажешь? – интересуется водитель, не отрывая взгляда от дороги.

– Ничего нового. Вчера всю ночь играл на «старзах»*.

– И как?

– По итогу вылетел десятым в шесть утра. Дали сто сорок баксов. Подтереться ими прикажете?

– Наша песня хороша. Подай «парлик» из бардачка.

Водитель открывает окно и закуривает. В салон врывается вой полицейской сирены.

– Да, в последнее время в Интернете как-то не очень дела идут. За месяц просел на треть банка.

– Не бедствуем, тем не менее. Или, может, ностальгируешь по работе в редакции? А?

– Конечно, – протягивает пассажир, – завтра же главреду позвоню и попрошусь обратно.

– Удачи. А я помощником юриста устроюсь, раз такая пьянка. Буду в бумагах копаться

– не зря же диплом получал.

– Мы-то не пропадем. ЭлЭма куда пристроить?

– Завод?

– Думаю, там ему с мужиками весело будет. Правда, зная ЭлЭма, сопьется ведь бедняга.

Оба товарища смеются.

– А вот, кстати, и он.

Загорается поворотник, «Шкода» притормаживает у обочины за желтой маршруткой. На заднее сидение плюхается ЭлЭм. Он жует арахис в шоколаде, запивая энергетиком.

– Здравов, пацаны, – говорит он набитым ртом.

– Привет, труженик, – отвечает пассажир, протягивая руку.

– Костыль, – прожевав, ЭлЭм толкает в плечо водителя, – как ты, братик?

– Лучше всех. Дай попить.

Машина въезжает на длинный мост. В черной водной ряби отражается свет фонарей набережной. На мосту стрелка спидометра вскакивает вверх.

– Готов к труду и обороне? – спрашивает Свят у ЭлЭма.

– Денег много не бывает.

– Слышал? – обращается Свят к водителю. – Вот это настрой.

– Понял, принял. На сегодня сон отменяется, – подкрутив регулятор громкости, Костыль до упора вжимает педаль газа.

Тяжелую металлическую дверь без вывески открывает охранник в костюме размера ХХЛ, с микрофоном в ухе и выпирающей вперед краугольной челюстью. Троица исчезает внутри громадного бизнес-центра, угрюмо нависшего над городом. В конце тускло освещенного коридора – еще одна дверь со звонком. Спустя минуту ожидания щелкает электронный замок, и уже другой секьюрити кивком приглашает гостей войти.

Тот, кто однажды бывал в покерном клубе, ни с чем не перепутает стоящий там шум – когда десятки людей одновременно перебирают пальцами фишки. Этот шелест напоминает гудение пчелиного роя – эдакий унисон множества отдельных звуков. Если проводишь за столом много времени, нужно куда-то девать руки. Это входит в привычку, и вскоре, при виде

фишек у тебя начинается ломка, ты больше не контролируешь свои кисти – они принадлежат той горке пластмассы.

Время – далеко за полночь, но в зале полно народу. Снуют официанты с подносами, сменяются друг друга крупье, компанию некоторым игрокам составляют барышни в откровенных нарядах – они то забавляются фишками своих спутников, то со скучающим видом листают ленты социальных сетей.

– Уважаемый, – обращаясь к дилеру*, кричит крепко сбитый мужчина с красным лицом, – позови этого, как его там, менеджера. Денег еще дам! – он достает из кармана несколько мятых зеленых купюр и бросает на сукно. Рядом стоит тележка с целой батареей рюмок. Свят, ЭлЭм и Костыль подсаживаются за стол к шумному игроку.

– Добрый вечер. Во что играем?

– Холдем обыкновенный, – подмигивает крупье.

– Ты не моргай, а карты сдавай! – гаркает краснолицый. Заметив официантку, миниатюрную девчонку с робким взглядом и волосами, собранными в хвостик, мужик переключается на нее:

– Заинька! Принеси мне еще текилы.

Приходит менеджер. Мужик нетерпеливо забирает у него фишки и сразу же влезает в игру. В целом, атмосфера за столом спокойная, и шумный любитель текилы не дает присутствующим заскучать.

– Поговаривают, наш футбольный клуб обанкротился, – начинает беседу ЭлЭм, вставив в одно ухо наушник. – Кто что слышал?

Все с серьезным видом вглядываются в свои карты, будто пытаясь понять – что же с ними делать.

– Я думаю, не стоит верить слухам, – откликается усатый мужчина невысокого роста, практически спрятавшийся за дилером. – Знаете, как это бывает – кто-то пустит утку, а в народе и рады кипишь поднять, – мужичок скромно улыбается себе в усы. Чтобы разглядеть собеседника, ЭлЭм даже немного привстает из-за стола. Ему хватает и беглого взгляда: именные часы на кожаном ремешке, шведка из дорогого бутика классических костюмов, небольшая сумма денег в игре, барсетка рядом, сдержанные манеры и плавные, выверенные движения. Какой-нибудь отставной законник или что-то из этой оперы. Небось, приехал сюда на джипе двухтысячных годов выпуска. Бабки водятся, но в жизни он не расстанется с ним просто так. Дохлый номер.

– Возможно, вы правы, – холодно отвечает ЭлЭм, не видя смысла в дальнейшем общении с этим гражданином. Свят хмыкает, водя пальцем по экрану телефона.

– Никто никого не закроет, – вдруг авторитетно заявляет краснолицый. – Просто сменят эту, как ее, форму собственности.

– Государству отдадут, что ли?

– Э, нет, – любитель текилы заговорщицки поднимает палец, – его превратят в сеть спортивных организаций под этим, как его, патронажем какого-нибудь профсоюза, – закончив мысль, икает душа компании.

– Может быть, может быть. Кстати, – объявляет ЭлЭм, вертя в пальцах две фишки черного цвета, – мне, наконец-то, зашло хоть что-то похожее карты. Дал пятихат, проверочный.

Ставку поддерживают несколько человек, после чего Свят с невозмутимым лицом выдвигает столбик фишек:

– Три.

Любитель текилы оборачивается к нему, удивленно подняв брови:

– Деньги ляжку жмут, что ли?

– Есть немного, – непринужденно отвечает Свят.

– Тогда я это, как его, коллирую*.

В игре остаются ЭлЭм, Свят и душа компании. Остальные игроки пасуют – с такими лицами, будто совершают самый гадкий поступок в своей жизни. На сукно ложатся три первых карты – разномастные шестерка, семерка и восьмерка. ЭлЭм ставит, на что пьяный тип расплывается в улыбке:

– Блефуешь против меня? – с довольной рожей спрашивает мужик. – Уверен, что блефуешь. Давай проверим твои яйца, – он, не считая, двигает в центр стола две жмени фишек.

ЭлЭм задумывается. Дилер ставит напротив него маленькие часы и включает таймер. Когда, по прошествии минуты, часы начинают пищать, ЭлЭм еще раз заглядывает в свои карты, смотрит на любителя текилы, потом – на Свята, и, в конце концов, выдыхает с напусковой горечью:

– И где только такие звери берутся?

– Выбрасывай давай, – радостно протягивает мужик.

– Ну, не прошел блеф – и хер с ним. Я сдался, – он выбрасывает в пас своих карманных тузов, заметив, что между пальцами Свята гуляет розовая фишка.

– Так. А ты что скажешь? – икнув, обращается к Святу любитель текилы.

– Дружище, не могу оставить тебя одного. Я – колл.

Пьяный тип вскакивает из-за стола и с воплем опрокидывает очередную стопку:

– Ага, есть, вези сюда капусту! – он с гордостью переворачивает свои карты, образующие две пары. Дилер кладет на стол еще две картонки, не меняющие ситуации. Возбужденный раскрасневшийся мужик уже тянется за выигрышем, но его извинительным тоном прерывает Свят:

– Не ожидал, что ты такой сильный. Но мне сегодня повезло больше, – парень переворачивает свои девятку с десяткой – у него стрит.

– Победа игрока на втором боксе*, – равнодушно объявляет крупье и сгребает разбросанные по столу фишки в одну кучу, двигая ее в сторону Свята.

– Ты куда лапы тянешь?! У меня ж две пары! – возмущается любитель текилы.

– Да ты приглядиись, – говорит Свят, кладя свои карты к тем, что лежат в центре стола, – у меня стрит.

С недоумением любитель текилы рассматривает карты оппонента, хмурясь и пытаясь понять, в каком месте его наебали. Вернувшись к реальности, он набрасывается на крупье:

– Ну, ты и... руки из жопы! – он бросает в лицо дилера карты, достает из заднего кармана джинсов еще несколько мятых банкнот и, оставив деньги на столе, шаткой походкой удаляется на курилку. Приятно шелестящие фишки отодвигаются к Святу.

По периметру курилки расставлены красные диваны, обшитые золотистым бархатом. В комнате стоит завеса дыма. На одном из диванов, чуть оголив волосатый живот, разлегся любитель текилы. Мужик говорит по телефону, его возмущенный бубнеж слышно на всю курилку.

– Ты прикинь, залупа криворукая. Такую комбинацию угробил. Ага. Ну, я скоро к вам подъеду. Давай.

Он кладет трубку и уже тушит сигарету в тот момент, когда к нему подходит ЭлЭм.

– Извини, дружище. Огоньку не найдется?

Мужик шурится:

– А, это ты. Видел, как тот гад меня ушатал? – обиженно говорит он, протягивая ЭлЭму зажигалку.

– Неприятно, конечно. Ты реально был силен. Просто всяким дятлам постоянно доезжает, – ЭлЭм выпускает дым и тут же вдыхает его обратно вместе с воздухом со скудным содержанием кислорода.

– Зато твой блеф я сразу прочел, – явно гордится собой мужик.

– Это да, не в того я поставил. А ты молодец – выкупил, что к чему, – улыбается ЭлЭм. – Кстати, как насчет поделиться опытом с молодежью?

– В смысле? – хмурится любитель текилы.

– Хотим сейчас поехать в какое-нибудь заведение и там поиграть между собой. А то здесь дилера рукожопые, меня тоже весь вечер калечат. Сядем в спокойной обстановке, как белые люди помылим*.

В слезящихся от табачного дыма глазах кутилы вспыхивает азарт:

– Не боишься с папкой в картишки-то резаться, а? – он по-дружески толкает парня в бок.

– Надо же когда-то учиться, – пожимает плечами ЭлЭм.

– Если тебе денег не жалко...

– На такое дело раскошелимся. Ты не против, если к нам мой кореш присоединится? Он вообще нулевой в покере, пускай вникает помаленьку.

Тень сомнения мелькает на красном, гладко выбритом лице, но надолго там не задерживается:

–А, бери! – машет рукой мужик. – Как раз отмажусь.

Когда ЭлЭм возвращается с курилки, любитель текилы уже пристает к трезвому соседу, переминаясь с ноги на ногу у покерного стола.

– Ну, что, дружище, поехали? – приобнимает его ЭлЭм.

– Идем-идем, уно моменто, дай только карты глянуть, – он поочередно заглядывает в розданные ему картонки. – Так, эта дерьмо. И эта дерьмо. Э, ты! – мужик щелкает пальцами, обращаясь к дилеру. – Лови, на! – он бросает парню несколько фишек на чай, – мне не жалко. Лишь бы ты был человеком и всякую шляпу не сдавал! И позови главного, пускай мне фишки поменяет.

ЭлЭм покидает катран* в компании любителя текилы и Костыля, все это время молча сидевшего за столом. Когда охранник закрывает за ними дверь, Святу на телефон приходит СМС: «Клуб «Йогурт». Через 3 часа».

Такси вползает во двор ночного клуба и тормозит у забитой парковки. Из машины вылезает мужчина в черном поло и с клатчем подмышкой. Расплатившись с бомбилкой, он протискивается через шумную толпу, оккупировавшую ступеньки. У входа барышни с пьяным блеском в глазах увлеченно обсуждают и сравнивают достоинства своих, как они их называют, поклонников. Приоткрытые двери выплевывают в ночь постукивание басов. Парочка сонных мордovorотов в черных футболках с бейджами охраны присматривает за публикой. Мужчина кивком здоровается с ними и входит внутрь.

Пати выходного дня в самом разгаре. Все депозитные столики заняты компаниями людей разных возрастов. За одним из столиков бородатый мужик зажимает совсем юную девушку в коротком обтягивающем платье. Светомызыка мелькает по ним зелеными пятнами, стыдливо застукивая его руку между ее бедер.

– Доброй ночи, – гость открывает дверь в банкетный зал и холодно здоровается с присутствующими. Под тусклым светом абажура на диване-уголке посапывает любитель текилы, рядом с ним отдыхает ЭлЭм, в кресле Костыль с полуприкрытыми веками пытит кальяном. По стеклянному столику разлит алкоголь, разбросаны покерные фишки.

– Здравствуйте. Вы за товарищем? – Костыль кивает на синего пассажира.

– Да, за ним, – мужчина подходит к пьяному и принимается шлепать его по лицу. Бормоча что-то сквозь сон, тот пытается отмахнуться.

– Че за..., – бубнит он, протирая глаза. Вглядевшись в лицо нарушителя своего спокойствия, любитель текилы расплывается в улыбке:

– А, это ты, Жека, – с неподдельной радостью он лезет обнять товарища. – А ты что тут? Текилу будешь?

– Давай, собирайся, браток, ехать пора.

– Братка, я так хочу спать, – кривя лицо, сопротивляется любитель текилы. Вдруг на него находит озарение: – Точно, это ж я тебя попросил приехать.

– Ты-ты, вставай, – Женя помогает кутиле подняться на ноги, забирает его пиджак и под руку ведет друга к двери. – Всего доброго, – бросает он через плечо.

– Саня, подожди, – вскакивает с кресла Костыль. Оба мужчины оборачиваются. Костыль берет в руку стопку фишек и демонстрирует ее любителю текилы. – Мы же не рассчитались.

По лицу Сани видно – ему трудно понять, чего от него хотят. Тем не менее, ему это удается:

– Ой, Жека, расплатись с молодыми, лады? Я пока поссать схожу.

– Сколько он должен? – спрашивает Евгений, когда его товарищ покидает комнату.

– Полторы. Долларов, – простодушно отвечает Костыль. Мужчина недоверчиво смотрит на него.

– Ты уверен?

– Абсолютно.

Какое-то время они так и стоят, глядя друг на друга. Молчание становится напряженным. В комнату доносятся звуки приглушенной музыки из основного зала.

– Подожди минуту, – говорит Женя и выходит в коридор. Вскоре он возвращается, расстегивает клатч и отсчитывает нужную сумму. Бросив деньги на стол, мужчина собирается уходить.

– Стойте, – Костыль протягивает уже раздраженному Евгению телефон и паспорт любителя текилы, – вещи вашего товарища.

Мужчина забирает вещи и, ничего не говоря, выходит из банкетного зала, хлопнув за собой дверь. Костыль падает в кресло и затыгивается кальяном. Спящий ЭлЭм лукаво приоткрывает один глаз:

– Если бы ты знал, как я устал от бессонных ночей, – он потягивается на диване. – Позвони Святу, пускай приезжает.

Пакет с треском рвется, и продукты вываливаются на асфальт.

– Сука! – сжимает кулачки высокая стройная девушка. Она стоит посреди обочины на оживленном проспекте, вокруг разбросано содержимое продовольственной корзины. Покопавшись в сумочке, девушка достает телефон. Трубку долго не берут, на что барышня закатывает глаза. Вдруг на том конце провода раздается возбужденный голос:

– Да!

– Алло, зай, встретить меня, – девушка пытается перекричать проезжающий мимо грузовик. – У меня пакет с продуктами порвался.

– Мышка, я сейчас занят – предфиналка в турнире.

– Ты вообще на приколе?! Совсем одурел со своим... Алло!Алло!

Из трубки доносятся раздражающие гудки сброшенного вызова. Смачно выругавшись, девушка подбирает с пола пачку кофе, упаковку йогуртов и связку бананов, после чего стопит первую попавшуюся машину.

Свет почти не пробивается внутрь просторной комнаты, и, хоть электронные часы на панели плазмы показывают время 14:30, в помещении царит предвечерний мрак. На журнальном столике – два ноутбука и заварник с чаем. Свят сконцентрировано наблюдает за происходящим на обоих мониторах, где каждую минуту сменяются десятки карточных комбинаций.

Хлопает дверь, и в прихожей появляется девушка с продуктами в руках. Она что-то кричит, но музыка в наушниках Свята заглушает звуки окружающего мира.

– Я что, в супермаркет через квартал на такси должна ездить? Мало того, что я таскаю эти долбанные пакеты, так ты еще и встретишь меня не можешь. Покерист великий нашелся!

Девушка пересекает комнату и резким движением открывает жалюзи.

– Опять темень, как в пещере. Ты когда последний раз на улицу днем выходил? Срач развел тут, – она поднимает с пола рубашку и бросает ее на гладильную доску. – Ты меня слышишь вообще? – девушка срывает со Свята наушники.

– Давай позже поговорим, – не отвлекаясь от монитора, парень встает и уходит в соседнюю комнату, забрав с собой один ноутбук. Через пару секунд он возвращается, чтобы забрать второй компьютер и заварник с чаем. Исчезнув в другой комнате, Свят закрывает за собой дверь. Девушка сокрушенно падает на диван. Она включает телевизор, где ведущий прогноза погоды вещает:

– В Украину окончательно пришла весна. Средняя температура воздуха – +25 градусов, во всех регионах преимущественно солнечная погода. Самое время для прогулок на свежем воздухе и семейных поездок на природу...

– Сямое время, – скептически перекиривляет ведущего девушка. – Да пошел ты! – говорит она и выключает ящик.

– Гори в аду, тварь! – из-за дверей спальни раздается истошный вопль, напугавший девушку. Она сидит на кухне в шелковом халатике, поджав ноги, ест мороженое и клацает телефон.

Свят вылетает из спальни и несется на балкон с сигаретой в зубах и прижатой к уху трубкой:

– Я этот турнир уже год пытаюсь затащить. Семь часов играл, дошел до финалки. Как вылетел? – парень нервно затягивается сигаретой. – А ты угадай! Тузы в шестерки, стрит по одной карте. В очередной раз меня выбил какой-то бабуин! – орет Свят с балкона. – Вообще не могу понять, что происходит. Я уже забыл, когда в последний раз что-то стоящее тащил. Весь месяц в минус. Хорошо хоть алкаша раздели позавчера. Да, будем на связи.

Парень кладет трубку и смотрит вниз. Там патруль принимает двоих окосевших бичей. Бросив в них окурок, Свят возвращается в квартиру и идет на кухню. Девушка все так же ковыряет ложечкой шарик мороженого, переписывается с кем-то и не одаряет вниманием вошедшего Свята. Он наливает себе стакан виски, выпивает залпом и, вытерев губы, садится рядом. Немного помолчав, парень спрашивает:

– Что опять? – Свят пытливым взглядом заглядывает девушке в глаза, но та не отвечает. – Даш?

Даша не реагирует и лишь улыбается увиденному на экране телефона.

– Даша, блядь! – не выдержав, бьет по столу Свят. – Ты что, не видишь – мне и так херово? Обязательно мозг выносить?

Девушка откладывает телефон в сторону и облизывает ложечку.

– А если тебе, как ты выражаешься, мозг не выносить, ты мхом порастешь и забудешь, что у тебя девушка есть. А я здесь, я как бы тут, привет, – она машет рукой перед лицом парня.

– Ну, ты же знаешь, что я не Ваньку валяю. Это работа моя.

– Работа? А по клубам ночами шляться – это тоже работа?

– И это тоже, – Свят меняет тон на примирительный, извинительно улыбается.

– Ну, офигеть теперь! Я прекрасно знаю, что после того, как вы разводите лохов на бабки, половину этих денег и просаживаете со всякими шалавами клубными. Ты что, меня совсем за дуру держишь? Так нет, зайка, я тебя огорчу! Меня отобрали на стажировку в Колумбийский университет как лучшую сотрудницу издания. Летом улечу – и будешь жить в свое удовольствие, никто тебе мешать не станет.

– Честно говоря, когда ты ездила в командировку, здесь было поспокойнее.

– Ах, так мы запели? Хорошо, я тебя слышала, – Даша бросает на стол ложечку и выскакивает из кухни в гостиную.

– Да стой ты, дура! – Свят подрывается вслед за ней, говоря самому себе: – Сколько раз мы это проходили.

– Вы посмотрите на него, великий делец. Самый умный нашелся! – впопыхах произносит девушка, без разбору запикивая вещи в чемодан.

– Далеко собралась?

– Отвали.

Даша бросается к шкафу, но дорогу ей преграждает Свят, схвативший ее за запястье. Девушка бьет его кулаком в пах, но он парирует удар. Даша смотрит на Свята широко раскрытыми зелеными глазами. Она пыхтит от злобы, обиды и женского каприза. Свят играет желваками от раздражения, вызванного неизбежностью таких вот скандалов в их отношениях. Одной рукой Свят вдруг хватается Дашу за горло, вторую пускает по внутренней стороне бедра девушки. Она еле заметно вздрагивает и томно закрывает глаза, но, взяв над собой контроль, открывает их и дает Святу пощёчину. Тот, пошевелив челюстью, резко толкает девушку к стене, развернув к себе спиной. Казалось бы, от такого обращения ее хрупкое тело сейчас разлетится на сотни утонченных деталей. Тонкая шея Даши снова оказывается в его жилистой руке, в это время ее ручки уже трудятся над ремнем парня. Вслед за спавшими на пол джинсами следует шелковый халат, улетевший на открытую дверцу шкафа. На девушке нет бюстгалтера, ее объемная грудь едва помещается в руке Свята. Сбиваясь с дыхания, Даша шепотом проговаривает:

– Как там у вас это называется? Пойти олл-ин?

Девушка издает тихий затаенный стон.

Терпеть на лице припекающие лучи солнца ЭлЭму больше не вмогуту. С усилием подняв веки и протерев глаза, парень опирается на локти и оценивает обстановку: они с Костылем находятся на пляже, под мостом через реку. Значит, шум прибоя ему не приснился. Виски пульсируют давлением, левая рука занемела, глаза слезятся и чешутся. Рядом на лежаках – две барышни в коктейльных платьях. Одна из них вульгарно раскинула ноги и посапывает; другая же, прикрытая мужским пиджаком, свернулась калачиком в обнимку с бутылкой шампанского. Спящие девушки всегда наталкивали ЭлЭма на мысль о том, что долго прожить можно только с той, в ком ты видишь не пилотку, сиськи и волосы, приятно пахнущие шампунем-кондиционером, а свое доверенное лицо, единомышленника или, как стало модно нынче говорить, родственную душу. Ведь невозможно захотеть еще раз ту, которую ты видел спящей и растрепанной после дикой пьянки и животного секса, если не лелеешь к ней теплых сердечных чувств. В песок воткнуто две бутылки «Маренго», рядом валяются три завязанных презерватива. Обнюхав и осмотрев себя, ЭлЭм приходит к выводу, что гуляние немного затянулось. Вытрусив из мокасин песок, он закатывает штанины и рукава рубашки и босиком бредет к воде. Неподалеку собаковод выгуливает ротвейлера, бросая собаке желтый, мать его, писклявый мяч. Высунув язык, животное с энтузиазмом несется за игрушкой и возвращает ее хозяину, пританцовывая на задних лапах и облизывая ладошки мужика в бейсболке и очках с коричневыми линзами. Почему-то это зрелище побуждает ЭлЭма обернуться на спящих барышень.

– А, фак, – шевелит пересохшими губами парень, когда в очередной раз мячик взвизгивает в зубах собаки. Умывшись холодной, еще не прогретой весенним солнцем водой, ЭлЭм немного бодрится. Он нащупывает в заднем кармане штанов смятую пачку «Парламента», закуривает последнюю сигарету и прячет пустую пачку обратно в карман. На лежаке его встречает уже очнувшийся Костыль.

– Это кто? – кивает он на девушек, щурясь от солнца.

– Ай донт ноу, – пожимает плечами ЭлЭм.

– Я так и думал.

ЭлЭм достает из объятий девушки бутылку и хмурит лоб в попытках прочесть написанное на этикетке. Сделав глоток, он вытирает рукавом щетину. Ощувив пропажу, девушка что-то недовольно бормочет сквозь сон и переворачивается на другую сторону. Наступает блаженное молчание. Солнце издевательски целится лучами в их немые головы; где-то там, наверху, гудит поток машин; пищит мячом породистая псина.

– Солнце припекает. Может, искупаемся?

– Ну, такое, – ЭлЭм делает еще глоток и возвращает бутылку владелице, подпихнув под руку, словно плюшевого медведя.

– А я нырну, – Костыль начинает раздеваться, педантично складывая мятые, грязные вещи стопочкой на лежаке. – Ну, я погнал.

Сверкая голой задницей на весь пляж, худощавый Костыль бежит по сырому песку к реке и с разбегу ныряет в прозрачную воду. Тут же в его обмякшее тело впиваются тысячи ледяных иголок. По мышцам прокатывается волна электрического тока, каждое волокно скрывает судорога, а подкожные нервы вмиг напрягаются до максимума. Со стороны за моржом наблюдают две испуганных мамыши, вышедших с детьми на прогулку. ЭлЭм с любопытством разглядывает спящих девушек, как зверушек. Та, вульгарно распластавшаяся на лежаке, вдруг мощно икает, собирает свои конечности вместе и переворачивается набок. От реки доносится крик:

– А, сука, как же холодно!

Закинув ногу на Свята, Даша играет с волосами на его груди. Белая простыня местами прикрывает их обнаженные тела на полу гостиной. В соседней комнате тихо играет музыка.

– Когда мы с тобой прекратим собачиться? – глядя в потолок, спрашивает Свят. Даша не торопится с ответом. – Эй, ты чего молчишь? – Свят щелкает пальцем по кончику ее носа.

– Я думаю, – девушка закусывает верхнюю губу.

– Не могу понять, что тебя так волнует.

– Знаешь, все как раз наоборот.

– О чем ты?

– Это тебя мало что волнует. Все девушки ссорятся с парнями из-за этого. Вы, мужики, и так пофигисты по своей природе. А ты, походу, к какой-то особенной касте относишься.

– А, по-моему, это вы слишком требовательны – и к себе, и к окружающим. Поэтому у вас вечно какие-то проблемы.

– Может, ты и прав. За собой не так замечаешь.

Немного помолчав, Даша спрашивает:

– Как неделя?

– Так себе. За месяц картина совсем печальная получается.

– Тем не менее, ты неплохо зарабатываешь. По меркам нашего общества, – зачем-то добавляет девушка.

– В том то и дело, что неплохо. А дальше куда? Где рост, развитие? Такими темпами покер превратится в мою работу, ту самую режимную работу, которой я так боюсь, – Свят поворачивается к Даше и клацает зубами у ее уха. – Если уже не превратился.

– Какой же ты лентяй. Готов на все, лишь бы не работать.

– Ты не права. Я готов зарабатывать. Это куда приятнее, чем просто работать. Иди ко мне, – целуя Дашу, Свят ощущает персиковый привкус ее губ. – Что ты там говорила по поводу стажировки?

– Ах, это... хотела выбрать подходящий момент, чтобы рассказать.

– Тебе почти удалось, – ухмыляется Свят.

– Мое журналистское расследование заметил американский корреспондент, профессор Колумбийского университета в Нью-Йорке. У них как раз программа по обмену опытом скоро начинается. Выслали в редакцию письмо с приглашением.

– И надолго это все?

– На год почти.

– Когда улетаешь?

– Через два месяца.

Свят молча встает и, обмотавшись простыней, словно греческий бог, выходит на балкон. Все еще ярко светит солнце, поэтому парень надевает очки. Выпустив кольцо дыма, он обращается к Даше, замершей в ожидании его реакции:

– Ты твердо решила?

– Послушай, Свят. Я понимаю, о чем ты. Но эта стажировка реально позволит мне выйти на новый уровень. Тот, о котором ты сам только что говорил.

– Только не подумай, я ничего не имею против.

Даша гольшом выходит к Святу и прижимается к нему со спины:

– Откроем тебе визу, будешь прилетать в гости.

На улицы города действительно пришла весна. У Свята наступление весны всегда ассоциировалось с чириканьем птиц. Это какие-то незаметные, видимо, очень маленькие птицы. Он никогда их не видел, но, даже когда из-под тающего снега появляется собачье дерьмо, пустые бутылки, окурки, чей-то грязный ботинок или фаланга пальца, – даже тогда пение этих птиц вселяет в Свята безоговорочную веру в то, что все в этой жизни будет как надо. Так и сейчас – птицы чирикают отовсюду и ниоткуда одновременно – отвлекая внимание от криков детей внизу и музыки, тихо льющейся из соседней комнаты. И только от прижавшейся к нему Даши не отвлекают Свята птицы – ее тело теплое, как парное молоко, а кожа пахнет терпким вареньем из лепестков чайной розы.

– Всегда мечтал поиграть в Штатах, – говорит парень. – Знаешь, есть такая аксиома, что ли, – чем богаче население, тем больше лохов может позволить себе азартные игры.

– Интересное утверждение, – отвечает Даша.

– Может, это и есть то самое развитие? Свалить в страну свободных людей, взять двухэтажный домик с задним двором в спальном районе, старенький «Форд», по выходным гонять в Лас-Вегас, а в будние дни катать в казино ближайшей крупной гостиницы со старперами в ковбойских шляпах, китайцами и смуглыми парнями в деловых костюмах. Как тебе перспектива?

– Ну, ничего так план, – улыбается девушка.

– Ты будешь работать в своей редакции, а в свободное время будем ездить на стареньком «Форде» к океану. Чем тебе не семейная идиллия? А говорят, у игроков нестабильная жизнь.

– Так ты не против того, что я уезжаю?

– Я душ хотел принять, – сняв очки, поворачивается Свят, – но, раз ты скоро свалишь от меня поесть гамбургеры и пыхтеть в библиотеках, решил не терять времени зря и взять тебя с собой.

С этими словами Свят подхватывает Дашу, забрасывает ее на плечо и походкой победителя несет в ванную.

– Пусти, дурак, – смеется девушка и кокетливо стучит по спине Свята кулачками. Через неприкрытую дверь балкона в квартиру доносится чириканье птиц.

Закрывшись в кабинке, Костыль усаживается на толчок, под табличкой с перечеркнутой сигаретой, и достает из кармана скрученный косою*. За покерным столом уже который час не происходит ничего интересного, поэтому Костыль решает прибегнуть к растительной терапии, которая иногда помогает парню справляться со стрессом во время неудачных игровых

сессий. Кроме того, под определенными видами травы у него необъяснимым образом обостряется чутье вскрывать блефы. Откашлявшись после первой тяги, Костыль проводит рукой по коротко стриженным волосам, откидывается на бачок и закрывает глаза. В легкие медленно вползает густой, забористый дым, веки наливаются тяжестью, а из мрака подсознания в режиме калейдоскопа выныривают цветные картинки прошлого.

Четыре года назад Костя впервые выиграл покерный турнир в Интернете. Попивая ром, он с детским восторгом рассказывает кому-то по телефону:

– Да, прикинь! Пятьсот баксов за четыре часа. Я в своей конторе за месяц столько зарабатываю.

Костыль подходит к окну и отодвигает занавеску. Высоко в небе движется маленькая черная точка. Раскромсанные облака за иллюминатором – так близко, что рукой можно дотянуться – со следующего выигрыша Костыль летит отдыхать в Испанию. Сангрия на закате у побережья, шепот пальмовых листьев и загорелые сиськи той испаночки, скачущие вверх-вниз в такт кудрявым локонам. Гипнотические движения сосков цвета горячего шоколада.

С закрытыми глазами Костыль делает еще одну затяжку. В туалете пахнет освежителем воздуха. Вдруг из-за двери доносится цокот копыт. Костыль снова теряется в воспоминаниях. Карета катится по брусчатке старинной площади. Ряженный в средневекового кучера старик оборачивается, подмигивает Костылю и протягивает ему кубок. Слепящая вспышка. Поморгав, Костыль оглядывается по сторонам – он сидит за покерным столом. В одной руке у него тот самый кубок, в другой – толстый конверт с цифрой «1». Армия игроков снует по трехуровневому казино в Праге. Среди них Костыль замечает странно одетую девушку. Потом еще одну. И еще. Вдруг Костыль обнаруживает себя в ночном клубе. Блестящий латекс на пиджейках в БДСМ-костюмах и бутылки, летающие над барменами-виртуозами – афтепати Европейской покерной серии. Свят – «в зюю», безуспешно клеит иностранку.

Черные полосы, замазки, долги – всего этого было с лихвой, но сейчас негатив тлеет вместе с горькой начинкой джоинта*, ведь только сладкий привкус триумфа дает сил топить дальше на всех парах. Звук спущенной воды в соседней кабинке возвращает Костыля к реальности. Он протирает глаза и выходит из туалета. Помыв руки, парень открывает дверь, но с удивлением обнаруживает за ней банкетный зал ночного клуба. Под абажуром спит любитель текилы, рядом с ним ЭлЭм. Костя видит и самого себя – он сидит в кресле, пересчитывая новенькие шершавые доллары. Добыча в чистом виде – не заработок, не зарплата, а именно добыча. Сильный стук в дверь заставляет Костыля проснуться. Парень щипает себя, чтобы убедиться – на этот раз его действительно отпустило. Костыль смотрит на часы – он провел на толчке всего пять минут, хотя ему казалось, что видение длилось не меньше сорока. Смыв в унитаз остатки косяка, Костыль открывает двери и, впустив в кабинку нетерпеливого пассажира, подходит к зеркалу. Белки его глаз оплетены красной сеткой капилляров. На душе спокойно и безмятежно. Холодная вода из-под крана отгоняет сонливость. Теперь он готов ждать своего пьяного покерного профи хоть до утра.

На выходе из туалета Костыль сталкивается с охранником. Вежливо улыбнувшись, он обходит парня с бульдожьей физиономией и направляется к столу, но секьюрити придерживает Костю за локоть и басит:

– Молодой человек.

Если бы в этот момент он не был под планом, сердце Костыля точно оборвалось бы и потащило свои вяленькие сосудики прямо к пяткам. Когда в подобном месте тебя тормозит охранник – это априори нехорошо.

– Да? – с невозмутимым видом оборачивается Костя.

– С вами хотят поговорить. Пойдемте, – бульдожья морда указывает на двери, ведущие в служебные помещения.

– По какому поводу? Что-то случилось?

– Пойдемте, пойдемте, – охранник кладет тяжелую лапу на спину Кости, подталкивая его и намекая – это не предложение.

Костыль понимает, что подобные приглашения никогда не делаются просто так. Но за что его прессовать? Черт подери, как бы смешно это ни звучало, но он действительно ничего не сделал. И насколько вообще все серьезно? В недоумении парень оборачивается и замечает – места Свята и ЭлЭма за столом пустуют. Любые идеи вязнут в одурманенном мозгу. Ладонки вспотели. Одно радует – ноги не становятся ватными, ведь это самое мерзкое чувство на свете.

Двери служебных помещений скрывают за собой совершенно другой мир. Здесь не слышно шелеста фишек, здесь холодно светят люминесцентные лампы, и пол здесь не мягкий, устланный коврами, а скользкий, кафельный. Костыля проводят мимо кухни, где копошатся пожилые женщины с изморенными лицами; мимо коморки кальящика, откуда доносится тошнотворный запах смеси десятков табаков; мимо логова охранников, обставленного мониторами, по которым крутят черно-белое реалити-шоу. Возле очередной двери они останавливаются. Охранник стучит и приоткрывает дверь:

– Можно, Станислав Вадимыч?

Все ясно. Приплыли. Сейчас Костыль будет говорить со Стасом Каретой, главой службы безопасности катрана. С одной стороны, если беседа проходит в стенах клуба, значит, он выйдет отсюда живым; с другой, ничего хорошего этот разговор ему явно не сулит.

– Входи, – отвечает тяжелый, грубый голос. – Привел?

Охранник пропускает Костю в кабинет. Первым делом Костыль замечает ЭлЭма и Свята, сидящих на диване в углу комнаты с постными лицами и встревоженными взглядами – они тоже не догадываются, зачем их сюда привели и как себя вести в сложившейся ситуации.

За столом в кресле развалился Карета – мощный черноволосый мужик ростом под метр восемьдесят, с узким прищуром глаз и похожим на пельмень ломанным-переломанным правым ухом. Он всегда одет просто, без лишних понтов. Так и сейчас – на Карете темно-синяя хлопковая рубашка с расстегнутыми верхними пуговицами и закатанными рукавами, джинсы и черные туфли.

Жизнь Кареты расписана по стандартному сценарию. В молодости, будучи профессиональным дзюдоистом, он попал в бригаду человека, успешно выдававшего себя за авторитета, но по итогу оказавшегося обыкновенным беспредельщиком. Не проработал Карета и полгода, как нарисовалась тема – взять под крыло одного «жирного» юриста. На двух машинах ребята приехали в офис и без какой-либо предварительной подготовки вывалили юристу свое коммерческое предложение. Тот в штыки, стал угрожать. Ну, Карета и пробил дельцу череп молотком прямо в кабинете. Зачем он это сделал, откуда в кабинете юриста взялся молоток и о многих других подробностях происшествия история умалчивает, но, по крайней мере, именно такая версия давно закрепилась в узких кругах как правдивая. Мозги на костюм, секретарша в визг, а уже через час под офисом открылась выставка элитных автомобилей. Юрист оказался не простым – он вел дела одного из самых влиятельных движений столицы. Когда глава бригады, наехавшей на юриста, случайно не вернулся с загородной рыбалки, Карета, чтоб укрыться от неминуемого наказания, спетлял куда подальше – служить пограничником в соседнюю республику. На предплечье у него самопальная татуировка размером со спичечный коробок – группа крови. После армии Карета воевал наемником на Кавказе, оттуда вернулся уже не простым быком, а человеком с полезными завязками и правильным пониманием жизни. По возвращению участвовал в создании охранной фирмы, а по факту – легализованного ОПГ для вооруженной поддержки рейдерских захватов. Сейчас Карета – глава службы безопасности ряда игорных заведений и притонов, принадлежащих человеку, передвигающемуся по городу кортежем из трех «геликов» с мигалками на номерах «7000».

– Чего стоишь? – обращается к Костылю Карета, не отрываясь от сотового. – Присаживайся. Тебя кенты уже заждались.

Костыль повинуется. Трава дает о себе знать, и парень постепенно забывает о волнении.

– Короче, – Карета поворачивается в кресле, – у меня мало времени, поэтому вникайте резче, – он смотрит на наручные часы в массивном золотом корпусе, словно для того, чтобы удостовериться в сказанном. – Вы давно играете?

– Здесь или вообще? – пересохшим горлом спрашивает ЭлЭм.

– Здесь, конечно. Меня не волнуют ваши игры под фантики.

– Два года, – выпрямляется на диване Свят.

– Отлично. Да ты не ссы, никто тебя трогать не будет, – говорит Карета, но в его голосе чувствуется скрытая угроза. – Значит, два года. Надеюсь, за два года вы поняли, на чем зарабатывает покерный клуб?

Карета сталкивается с молчанием.

– Ну?! – из его мощной груди вырывается медвежий рык.

– На рейке, – ЭлЭм отвечает неуверенно, словно двоечник у доски.

– А что такое рейк? – Карета снова понижает голос.

– Процент с каждого разыгранного банка, – смелость потихоньку возвращается к ЭлЭму, как это бывает со школьником, которому учитель подсказал правильный ход решения уравнения.

Карета выпячивает нижнюю губу.

– Вот. И, чем больше денег разыгрывается за столом, тем больший процент получает клуб. Я прав?

– Да, – Свят встречается взглядами с Каретой и замечает в его глазах проблеск агрессии.

– Так какого хуя вы, щенки, возомнили, что сможете на протяжении двух лет приходиться сюда, забирать синих лохов и доить их на стороне? – с поразительной невозмутимостью протягивает Карета.

Свят давно подозревал, что рано или поздно их маневры вскроют. Вопрос был лишь в том, как скоро это случится и чем это для них обернется.

– Вижу, вы меня понимаете. Само собой, оправдываться бесполезно. Да и некогда мне с вами возиться из-за тех копеек, на которые вы кинули клуб. Дело вот в чем. Мой опыт подсказывает, что, если таких хитровыебанных, как вы, вовремя не наказать, в будущем они обязательно оборзуют и доставят гораздо больше неприятностей. Теперь, как мы поступим, – Карета берет небольшую паузу, чтобы сбросить входящий звонок. – С сегодняшнего дня вы в черном списке этого и всех других приличных клубов города. Лично мне за этот цирк вы должны по десятке зелени. Каждый. Привезете на неделе, оставите Захару, охраннику. Думаю, ясно, что шутки шутить с вами никто не будет? – весь монолог Карета ведет ровным, спокойным тоном. Покачав головой и не дождавшись ответа на свой вопрос, он резюмирует:

– Я так и думал.

Еще раз обведя взглядом сидящих на диване растерянных пацанов, Карета спрашивает, как ни в чем не бывало:

– Ну, чего сидите? Свободны. Захар!

В дверном проеме появляется бульдожья морда, намертво приделанная к бычьей шее:

– Станислав Вадимыч...

– Проводи ребят, чтобы не заблудились.

– Понял, – кивает охранник и вмиг оказывается у дивана. Он снова больно хватает за руку Костыля, сидящего ближе остальных.

– Да я сам ходить умею, – вырывается тот, вяло шаря зрачками по кабинету. В другом углу комнаты стоит большой аквариум, по которому мечутся три пираньи. Подплывая к стеклу, рыбы раскрывают зубастые пасти и ядовито наблюдают за людьми. Два сейфа – маленький квадратный и высокий оружейный. На стене картина с батальной сценой, рядом – сабля в ножнах и табличка с мелкой гравировкой.

ЭлЭм и Свят молча поднимаются и бредут вслед за товарищем. Они знают, что спорить действительно бесполезно. Они не отмажутся, потому что все их похождения зафиксированы на камерах наблюдения. Они не уговорят Карету изменить решение, потому что он уже и забыл об их существовании. Им придется отдать деньги, потому что иначе быки Кареты попросту отнимут все силой.

– Всего доброго, – роняет напоследок Свят.

– Ага, давай, – незлобно отвечает Карета, и впрямь позабывший о молодых жуликах.

– Сюда, – басит в коридоре Захар и кивает в направлении, противоположном от общего зала. Оказывается, здесь есть черный вход.

– Куда мы? – спрашивает ЭлЭм.

Ответ на свой вопрос он узнает через минуту, когда трое охранников будут метелить их на заднем дворе бизнес-центра. Костыля вырубает сразу, и все, что он успевает увидеть перед падением – это яркая вспышка и сноп искр. Дальше – мокрые пупырышки асфальта и глубокое небытие. Свят просто свернулся калачиком и пытается защитить голову от града пинков. Тем не менее, он пропускает один удар. О, это неприятное чувство, когда твой нос соприкасается с кожаным носком туфли за двести долларов. Раздается хруст, слезы бесконтрольно льются из опухших глазниц, кровь, кисло-сладкая кровь стекает по губам в рот, и все, чего ты хочешь – умыть лицо, просто умыть лицо проточной водой. Но ты не можешь даже встать, а должен лежать, сжавшись словно гусеница, и защищаться от града ударов кожаных туфель за двести бакинских. Когда пинания все-таки заканчиваются, Свят еще какое-то время лежит на полу в позе эмбриона, потом протягивается на спине и через две узких щелки смотрит на небо. Сегодня оно звездное. Время около четырех утра, вокруг тишина – только сигнализация воет где-то вдалеке. Кровь уже течет по подбородку и шее, но его мысли заняты другим. Он думает о том, что все это, все, что с ними произошло – все это покер. Нет, покер – не причина. В сложившейся ситуации – вся суть покера. Это игра, в которой ты можешь царствовать годами, но по итогу слететь с трона прямо на грязный асфальт и валяться со сломанным носом, заплаканный, как девчонка, которую бросил очередной ебарь. Возможно, от нанесенных ударов, но голову Свята посетили именно такие мысли. Раньше их не было. Но, если разобраться, то это даже не покер таков, вся наша жизнь построена по принципу черных и белых полос. Игра лишь помогает усвоить эту аксиому в сжатые сроки. В итоге проиграют все. Дело лишь в том, чтобы успеть откусить от пирога, пока тебе позволяют это сделать. Один старик, катала былых времен, говорил: «Выиграл – не радуйся, проиграл – не плачь». Но Свят не может не плакать, черт подери, он течет, словно школьница.

– Эй, ты как вообще? – над Святом нависает ЭлЭм. Левый глаз парня затянут обильной гематомой.

– Да, вроде живой.

ЭлЭм помогает товарищу встать. Кровоточащие и опухшие, они напоминают двух пришельцев, спустившихся с летающих тарелок в ночной город для занятий эксгибиционизмом. Перевернув на спину Костыля, парни обнаруживают, что его лицо почти не пострадало – за исключением счесанного лба.

– Братан, ау, просыпайся, – трясет Костю ЭлЭм. – Ты хоть дышишь? – он щупает пульс товарища.

– Сплюнь, Вася.

Руки Свята дрожат от холода, башку сковывают спазмы, желудок жаждет выплюнуть содержимое наружу, и парень больше не думает ни о деньгах, ни о картах, ни о казино Лас Вегаса. Единственное, чего он хочет, самое заветное его желание, самая острая потребность из когда-либо возникавших – принять горячую ванну, приложить к лицу лед и отрубиться до следующих суток.

В конце концов, Костыль приходит в себя. Приподнявшись на локтях, он обводит потерянными глазами друзей:

– Пацаны, мы в жопе?

Превозмогая боль и протирая разорванным рукавом слезящиеся глаза, Свят хмыкает.

– Ты никогда не проникал в нее так глубоко, как сейчас.

В государственных больницах Свят всегда чувствовал себя угнетенно. Большинство докторов – либо измученные, уставшие от гадских условий труда люди, у которых просто нет моральных сил вести себя с пациентом участливо; либо отмороженные суки, только и думающие о том, как поскорее его, то есть пациента, сбавить. Старые, убитые помещения; угрюмые лица людей в очередях; полное равнодушие персонала – все это заставит почувствовать себя больным даже того, кто просто пришел за справкой о диспансеризации для работы. Не говоря уже о Святе. Голова раскалывается, кости лица ноют, хочется блевануть, а еще больше – застрелиться. Сползая в кресле приемного покоя, он периодически пересчитывает количество людей в очереди. Нос Свята распух, под глазами синяки – так он похож на сонную панду.

– Следующий, – наконец-то выглядывает из кабинета бородатый травматолог.

– Фамилия, имя? Дата рождения? Адрес проживания? – бородач проводит опрос, не поднимая глаз на парня и записывая ответы в журнал с желтыми страницами. Свят сидит на кушетке, поджав одну ногу. Покончив с писаниной, доктор откладывает журнал и надевает миниатюрные очки, которые выглядят карикатурно на его мясистом лице, окаймленном густой рыжей бородой. Сам травматолог весит килограмм сто двадцать, не меньше. Натуральный гигант.

– Ну. Что у тебя?

Свят не отвечает, а лишь тупо смотрит на верзилу в белом халате, мол, сам не видишь, что ли? Травматолог ловит посыл. Помыв руки и хрустнув пальцами, он приступает к осмотру.

– Так больно? – давит он на переносицу.

– Ай, бля, – шипит Свят.

– Понял. А так?

– Туда же.

– Угу. А под глазами если массировать?

– Под глазами терпимо.

– Угу. Запрокинь голову, – верзила сует в нос Свята какой-то инструмент, обмотанный ваткой, и из правой ноздри парня начинает течь кровь. – Угу, – доктор затыкает кровоточащую ноздрю тампоном. Если Свят и похож на панду, то этот, бородатый, исходя из повадок и издаваемых звуков, – точно бурый мишка. Вернувшись в кресло, доктор спрашивает:

– Травмы носа были ранее?

– Да не было вроде.

– Когда вот это все нарисовали тебе? – обводит он ручкой лицо Свята.

– Сегодня ночью. Часов пять прошло.

И снова – «угу».

– Ты боли боишься? Я к чему спрашиваю, тебе наркоз нужен или нет? Будем нос вправлять.

– Нужен, – без раздумий отвечает Свят, проклиная про себя шавок Кареты и всех производителей классической обуви вместе взятых. Ну, зачем этим тупым такой твердый носок? Не пинают же в них мяч. Пинают только людей.

– Как пожелаете, – говорит доктор и достает из шкафчика ампулу левокаина.

Нужно признать, бородач в медицинской шапочке набекрень оказался мастером своего дела. Быстро и ловко вправив онемевший нос пациента, он так же ловко накладывает ему

повязку-фиксатор. Уверенные действия травматолога и почти безболезненный ремонт носа даже слегка подбадривают Свята.

– Смотри сюда. Вот этой мазью – пять раз в день. И таблетки – обезболивающие. Повязку первые три дня не снимать, просто оттягивай и мажь, – доктор протягивает Святу бумажку с названиями лекарств. – Придешь через неделю, проверим, как срастаются кости.

– Жить-то хоть буду?

– Жить будешь, но вечный насморк тебе обеспечен.

– Большое спасибо, – Свят соскакивает с кушетки и направляется к выходу.

– Э, инвалид, – окликает его бородач.

– Что-то еще?

– Разумеется. За операцию, наркоз и в фонд кабинета с тебя... – травматолог загибает пальцы, обдумывая, какую сумму назвать.

– А, да, забыл, – лезет в карман Свят. Торопясь рассчитаться и побыстрее свалить отсюда, он роняет пачку сто долларовых купюр, обмотанных резинкой. Врач переводит вопросительный взгляд с денег на пациента.

– Это что, получается, зря отоварили тебя?

– Получается, зря. Вот, держите. Еще раз спасибо.

– Не болей.

Тучи поглотили приятно греющее солнце, поднялся ветер, на летней площадке кафе стало зябко.

– Молодой человек, будьте добры, принесите нам пледы, – листовая лента Инстаграма, Даша окликает проходящего мимо официанта.

– И повторите латге, – добавляет парень в джинсовой рубашке и с выбритыми висками. – Честно говоря, я понятия не имею, как нам подогнать это дело под тему гражданского контроля, – говорит он Даше, когда официант удаляется.

Еще утром девушка уехала в область со своей коллегой по журналистскому цеху, Максом. Инсайдеры сообщили их главреду о разоблачении рейдерского захвата крупного санаторного комплекса. Ведущим корреспондентам издания была поставлена задача – раздобыть максимум эксклюзива и подать его в ключе, соответствующем бурным общественным настроениям. Они сидят в кафе на крыше торгового центра, разбираются с копиями уставных документов и тщетно пытаются взбодриться кофе. Макс закуривает:

– Может, проведем параллель с недавним митингом в райцентре?

– Думаю, нужно копать глубже, – Даша надпивает капучино. – Сведем все к недавней реформе МВД под давлением гражданских активистов и, как следствие, – к уменьшению уровня коррупции среди правоохранителей.

– Вариант. Но давай для главного еще набросаем.

Порыв ветра сносит со стола бумаги, которые разлетаются по веранде. Потушив сигарету и выругавшись, Макс бросается их собирать. Даша отставляет капучино и шевелит губами:

– Что за...

На экране ее смартфона – изуродованное лицо ЭлЭма с подписью к фотографии: «Упал с велосипеда. В следующий раз надену шлем». И смайлик. Даша знает, что этой ночью парни должны были играть, поэтому не тревожила Свята звонками спозаранку. Теперь же его телефон вне зоны.

– Что-то случилось? – собрав бумаги, Макс возвращается на место. – Слушай, давай перейдем внутрь. Походу, скоро дождь начнется.

– Да-да, сейчас, – девушка снимает принесенный официантом плед и отходит к перилам. Внизу хаотично передвигаются фигурки людей. С неба начинает капать. Гудки в трубке.

– Алло, Денис?

– Кто это? – отвечает возмущенный голос.

– Это Даша, девушка Свята.

– А, Даха. Доброе утро.

Даша смотрит на часы – уже четыре дня.

– Свят с тобой? Увидела твою фотку в Инстаграме. Что случилось?

– Ты об этом, – речь ЭлЭма прерывается какими-то шорохами. – Да, повздорили с одними ребятами. Свят твой домой поехал.

– Ему тоже досталось?

– Немного, кхе-кхе, – и снова непонятный шум на том конце провода.

Даша кладет трубку и возвращается к столику.

– Ну что, идем? – Макс уже допил кофе и ждет напарницу со стопкой бумаг подмышкой. – А то скоро польет, – он косится на пасмурное небо.

– Слушай, Максим. Продолжишь сегодня один? Мне нужно срочно отъехать.

– Но у нас дедлайн до завтра! Главный нас повесит.

– Давай ты сбросишь мне вечером материалы, а я сама напишу статью. И завтра презентуем главному. Мне, правда, нужно бежать.

– Блин, Даша...

После непродолжительных раздумий Макс сжаливается над девушкой и с по-рыцарски благородным видом объявляет:

– Ладно-ладно, иди.

– До завтра, – выжав из себя улыбку, Даша хватая сумочку и быстро покидает веранду.

Когда цоканье ее каблуков стихает, Макс оглядывается по сторонам. Пусто. Сверху доносится раскат грома – на пятом этаже торгового центра кажется, что громыхает прямо над головой, будто у соседа сверху упал огромный чугунный сейф. Одернув задравшиеся брючины, Максим тоже уходит внутрь.

Все, что видит перед собой ЭлЭм – ритмично двигающаяся вверх-вниз голова брюнетки. Сам он распластался на широкой кровати с высокой спинкой и время от времени постанывает – то от удовольствия, то от боли. Его скулы жутко опухли. Когда снова звонит телефон, ЭлЭм долго не берет трубку, но, устав от назойливой мелодии, все-таки отвечает. Звонок с левого номера.

– У аппарата.

– Привет-привет. ЭлЭмчик, ты? – спрашивает бодрый голос.

– Он самый.

– Это Игорек, из «Визави». Узнал?

– Ого, какие люди.

Брюнетка в черном кружевном белье вопросительно поднимает глаза на ЭлЭма.

– Продолжай, зайка, – ЭлЭм гладит девушку по голове, и она возвращается к своему занятию. – Это я не тебе. Чего хотел-то?

С Игорьком по прозвищу Боксерчик ЭлЭм познакомился в том самом покерном клубе. Парень профессионально занимается боксом, а в свободное время просаживает деньги за игорными столами и решает всякие мутные темы. Всегда было ясно, что Игорек состоит в движении, но мало кто знал, на кого он работает и какими именно делами занимается. Боксерчик внезапно появляется на недельку-другую и так же внезапно исчезает. ЭлЭм же общается с ним постольку-поскольку – пару раз они обсуждали мелкие делишки, но, в основном, просто говорили за жизнь. Поэтому, звонку Денис искренне удивлен.

– О вашей истории с Каретой уже весь город гудит.

– Я очень рад.

Покерное сообщество, особенно подпольное, устроено так, что, когда человек закатывается или попадает на кругленькую сумму, все шпилевые узнают об этом раньше него самого.

– Неприятная ситуация, конечно. Чем вы ему насолили?

– Сказал, мы раздеваем слишком много людей. «Рыба»* из-за нас боится в «Визави» играть.

– Шутишь? Это хорошо. Как оно вообще?

– Лучше всех, – ЭлЭм аккуратно трогает пальцем опухшую скулу, кривясь от боли. – Ты что расскажешь?

– Все пучком. Недавно со сборов в Штатах вернулся. Готовлюсь к бою.

– Красавчик. Я вон не подготовился – и нокаут в первом раунде.

– Да ладно, не парься. Еще возьмешь реванш. Я тебе чего звоню. Есть тема одна, денег подзаработать. Подумал, вам с пацанами не помешает.

– Так-то да. Но дело вот в чем, Игорек. Я сейчас, как бы, на больничном.

– Да-да, Карета.

– Именно. Давай через пару недель словимся в центре и перетрем. А то котелок не варит совсем.

– Пару недель, пару недель... Ну, лады, договорились. Это мой номер – маякуй, как подлатаешься.

– Обязательно.

– Витамины ешь – говорят, помогают.

– Спасибо за заботу. Интересная хоть тема?

– Перспективная. Ладно, ЭлЭмчик, я тут немного занят. До связи.

– Давай-давай.

Барышня, уместившаяся на коленках перед ЭлЭмом, входит в раж. В приливе страсти она забывает об осторожности.

– Ай, зайка! – вскрикивает Денис. – Ты меня лечить должна, а не калечить. Если проголодалась, закажи себе суши.

На его ворчание брюнетка с небольшой родинкой над верхней губой отвечает виноватым взглядом провинившегося ребенка.

– И принеси мне таблетку от головы, а то подохну сейчас.

– Господи, Свят! – женский крик выхватывает парня из пучины бредовых сновидений. Он лежит весь в поту, с перебинтованным носом и синяками, обильно натертыми коричневой мазью.

– Что с твоим лицом? Ты был у врача? – Даша сидит на краю постели, держа Свята за руку и испуганно глядя на его физиономию.

– Привет, – негромко отвечает Свят.

– Ты меня слышишь?! Что случилось?

– Тише, пожалуйста. Ты не представляешь, как мне хреново, – Свят закрывает глаза и потирает висок.

– Хорошо. Только ответь мне – что произошло?

– Ну, Даш, что со мной могло произойти? Возвращались с пацанами домой и нарвались на каких-то отморожков. Ты же знаешь, что у нас по ночам на районах творится. Слово за слово, ну и... Сама видишь, чем все закончилось.

– Идиоты, придурки, – начинает причитать Даша. – Сколько раз я говорила: эти ваши ночные похождения до добра не доведут. Возомнили себя ни пойми кем.

Девушка вздыхает.

– Да ладно тебе, Даш. Я ведь жив, а кости срастутся.

– Ты у доктора хоть был?

– Не сам же я себе это нацепил, – Свят указывает на бинты.

– И что он сказал?

– Пустяки. До свадьбы заживет.

Девушка хмыкает.

– До свадьбы. Ты себя видел? Пустяки у него. Боже, как меня все это достало.

– Правда, не нагнетай. Все будет хорошо. Иди ко мне, – Свят тянется обнять Дашу, но она отталкивает его.

– От тебя мазью воняет, – девушка встает с кровати, разувается и выходит в прихожую с туфлями в руках. Остановившись в проходе, она спрашивает: – Тебе поесть приготовить? Я отгул на сегодня взяла.

– Ну, как? – спрашивает у Даши Максим, когда она возвращается с совещания у главреда. Девушка выглядит расстроенной.

– Попросил, чтобы я его не разочаровывала.

– Я ведь тебе говорил: если не сдадим вовремя статью, он нас загрызет.

Даша молча собирает сумочку.

– Снова с твоим проблемы?

– Не обращай внимания.

– Ты ведь умная, привлекательная девушка. Зачем тебе эти нервотрепки?

– Макс, – Даша укоризненно смотрит на коллегу, – не обижайся, но это не твое дело.

– Как знаешь.

– Все, я пошла. До завтра.

У входа в редакцию Дашу ждет Свят. На носу все та же марлевая повязка, синяки приобрели баклажанный цвет.

– Ну, и зачем ты приехал? Хочешь всех сотрудников распугать?

Даша целует Свята в щеку и, взяв его за подбородок, поворачивает голову, чтобы со всех сторон рассмотреть лицо парня.

– Я же знаю: к тебе тут напостой всякие педики шары подкатывают.

– А серьезно?

– Захотелось тебя встретить.

– Похвальное рвение, но лучше тебе было лечиться дома.

– Идем?

– Идем.

Прохладный вечерний ветерок гоняет по улице сорванные со столбов объявления. Парочка шагает по аллее вдоль цепочки фонарей.

– Что расскажешь? – спрашивает Свят.

– Особо и нечего.

– Я ведь вижу – ты загруженная.

– Главный редактор мозги вынес, – признается Даша.

– По поводу?

– Я позавчера должна была сдать важный материал, но так перенервничала из-за тебя, что забыла его дописать.

– Я не специально.

– На этот раз я тебе даже поверю.

– То есть, по-твоему, в остальных случаях я лгу?

– Честно говоря, нет никакого желания устраивать разборки.

– Все так серьезно?

– Да нет.

– А что тогда?

– В последнее время слишком много думаю о нас с тобой. Из-за этого не могу сосредоточиться на работе. Еще и в Америку скоро лететь.

– Зачем вообще о нас думать? Мы вместе, этого разве не достаточно?

– Мне иногда кажется, что ты тупее пробки.

Свят лишь удивленно пожимает плечами.

– Меня все устраивает в наших отношениях. И прямота в общении, и секс, и отсутствие ненужных драм.

Свят достает сигарету, но Даша отнимает ее. Подождав, пока Свят ей прикурит, девушка продолжает:

– Но я же женщина, Свят. Я, в конце концов, хранительница очага. И я даже толком не знаю, нужен ли тебе этот чертов очаг.

– Нужен, конечно.

– Что бы ты еще ответил. Ведь для тебя все это игрушки, признайся? Ты суешь в петлю свою голову, но о моей даже не думаешь. А я волнуюсь за тебя. А ты этого не понимаешь.

– Я все понимаю, – Свят обнимает Дашу. – И наши отношения – не игрушки. И никуда я не сую свою голову.

– Точно?

– По-любому.

– По-моему, ты блуждаешь в трех соснах.

– Просто в моей жизни такой этап. Я еще сам не до конца с ним разобрался, но обязательно это сделаю. Ты же говорила, что не хочешь устраивать разборок.

– Я и не устраиваю. Так, мысли вслух.

– За это я тебя и люблю. Всегда знаю, что у тебя на уме.

– Не будьте таким самоуверенным, молодой человек.

Свят останавливается и целует Дашу в лоб.

– Мышка, все будет огонь.

Официантка вздрагивает от резкого визга автомобильных тормозов, чуть не перевернув поднос с коктейлями. После двойного сигнала с пассажирского сидения черного тонированного «Пассата» вылезает парень в зеркальных солнцезащитных очках и бейсболке. На плече у него болтается квадратная кожаная сумка. Он бросает водителю короткую фразу и, заметив знакомые лица на веранде, поднимает руку в приветствии. «Пассат» сдает назад и на скорости удаляется вверх по улице, напичканной развлекательными заведениями.

К моменту встречи с Боксерчиком лица ребят заметно зажили. Тем не менее, Свят все еще носит пластырь на переносице, а со скул и висков ЭлЭма до сих пор не сошли зеленоватые пятна.

– Ку-ку, пацаны.

Собравшиеся пожимают руки. Игорек разглядывает помятые фейсы и оценивающе кивает:

– Неплохо вас подрихтовали.

– Скажем так, приятного мало, – отвечает ЭлЭм, потягивая через трубочку мохито.

– Да, я знаю, – Игорь указывает на свой приплюснутый нос. Кроме этой части лица и мускулистых, жилистых рук, ничего не выдает в нем боксера. Заприметив потенциальный источник чаевых, официантка снова курсирует к парням между круглыми столиками тенистой летней площадки.

– Барышня, мне холодную «Боржоми» в стекле, – обращается к ней Игорь.

Когда девушка приносит заказ и окончательно удаляется, Боксерчик снимает очки и переворачивает бейсболку козырьком назад. Он достает из сумки прозрачный пакетик разме-

ром со спичечный коробок с зеленоватыми гранулами внутри, кладет щепотку содержимого за нижнюю губу и откидывается в кресле.

– А где ваш третий? Костыль, кажется?

– Дома, план мести составляет, – отшучивается ЭлЭм.

– Это можно, если осторожно. Ладно, давайте сразу к делу.

– Внимаем, – говорит Свят.

– Имеется тема, очень сладкая. Но с ней нужно попотеть.

– Например?

– Например, плотно пообщаться с малообеспеченными слоями населения. Есть заинтересованные люди в банковской сфере, через которых можно без лишнего геморра взять кредит. Все, что для этого нужно – живой человек с документами и чистой кредитной историей. Естественно, вымытый и причесанный.

– В чем заключается процесс?

– Находим бича, везем в столицу, оформляем на него кредит. Вот, собственно, и все.

Гранулы под губой мешают Игорьку говорить, из-за этого он слегка шепелявит.

– Какой выхлоп по итогу? – спрашивает Свят.

– Я получаю треть и со своей доли рассчитываюсь с вами. Все, что от вас требуется – найти мне подходящего человечка, подготовить к поездке и привезти на вокзал. Остальное – за мной.

– И о каких суммах идет речь?

– Сто, двести, триста тысяч – в зависимости от состояния кредитной истории и кое-каких нюансов.

– То есть, в среднем, по двадцать кусков на брата, – подсчитывает ЭлЭм.

– Плюс-минус.

– А сам-то почему людей не ищешь? – спрашивает Свят.

– Ты за меня не переживай. Кого нужно, я ищу. К тому же, зачем мне с бичами якшаться, если я и с процентов неплохо поимею?

– Тоже верно, – соглашается Свят, удивляясь наивности собственного вопроса.

– Допустим, мы нашли бродягу с нормальными документами, привели его в порядок, посадили на поезд. Когда ты с нами рассчитаешься?

– Точных сроков нет. Неделя, две – где-то так. Кроме того, сам знаешь, бывают форс-мажоры.

– Ты уверен, что клиент не уедет в столицу и случайно там не потеряется?

Боксерчик сплевывает густую черную слюну с размякшими комочками гранул в салфетку, ополаскивает рот минералкой и плюет в стакан.

– Послушай, ЭлЭм. Не в моих интересах вас кидать и, тем более, уговаривать как целок – ты уж не обижайся. Могу дать честное слово, если от этого полегчает, – Боксерчик снызывает плечами и делает глоток воды. Всем и так понятно – в подобных делах никто гарантий не предоставляет. Вероятность остаться ни с чем – не меньше, чем при депозите в очередной коммерческий банк.

– Я тебя услышал.

Парни молча смотрят друг на друга. Свят наклоняется к Боксерчику:

– Давай так поступим. Мы будем иметь в виду эту тему. Если что, созвонимся. Договор?

Хрустнув костяшками пальцев, Игорь отвечает:

– Мое дело предложить.

– Вот и ладушки, – говорит ЭлЭм. – Когда боксируешь?

– В октябре.

– Позовешь на бой?

Боксерчик скалится.

– Похоже, наблюдать за драками вам нравится больше, чем участвовать.

– То есть, вы предлагаете повернуть аферу?

Костыль сидит перед монитором с большой диагональю, на котором мигают полтора десятка виртуальных покерных столов.

– Ты бросаешься слишком громкими словами, – отвечает Свят, лежа на кровати и разглядывая вращающиеся под потолком лопасти вентилятора. – Мы выступаем лишь в роли поставщиков клиентуры. Притом, можем заработать необходимые деньги.

– С каких пор ты стал остро нуждаться в кэше?

– С тех пор, как мы отслонявили Карете по червонцу баксов.

– Никогда не поверю, что у тебя нет заначки.

– Заначка есть. Для жизни. А деньги нужны для дела.

– Для дела? – бросает Костя через плечо.

Свят с ЭлЭмом переглядываются.

– Мы тут подумали, – говорит ЭлЭм, уже как двадцать минут безуспешно воюющий с кубиком Рубика, – подумали и решили вынести випку.

Костыль оборачивается к Святу:

– Что он несет?

– Здравую мысль. Если тема Боксерчика пройдет гладко, у нас появятся бабки на игру в ВИП-зале «Визави».

– Вы обкурились, что ли? Какой ВИП-зал? – спрашивает Костя, возвращаясь к игре.

– Говоришь так, будто мы тебе инкассаторов хлопнуть предлагаем.

– Там играют в основном одни заливные – мусора, депутаты, бизныки, которые меряются членами в том, кто больше лаве засадит. Им хочется пошпилить красиво, проверить удачу. Поэтому, деньги на випке текут рекой.

– Согласен. Только под этих заливных садятся люди с уровнем игры на порядок выше нашего. Нас там тупо раскатают. Взять, хотя бы, того же Любезного – он доил лохов, еще когда мы в школу ходили.

– Во-первых, Костылик, тебе нужно научиться верить в свои силы. А, во-вторых...

– Я просто трезво оцениваю ситуацию, – перебивает Свята Костыль.

– А, во-вторых, на этот случай у нас есть проверенная схема командной игры.

– Да, не гони. Вы же не серьезно?

– Вполне.

– Брось, – мотнув головой, Костыль продолжает играть. Свят сверлит глазами его затылок. В конце концов, парень не выдерживает.

– О'кей. Это очень сладкая затея. Но последствия. Вы выкупаете, чем такие танцы могут для нас обернуться? – он трет виски, откинувшись на спинку кресла.

– Сам-то как думаешь? – оставив в покое кубик Рубика, ЭлЭм обводит пальцем свою физиономию.

– То есть, вам этого недостаточно?

– Кончай с негативом. Ты хочешь нормально нажать или нет? – спрашивает Свят.

– Я не хочу попасть в реанимацию.

– Если делать по уму, – вмешивается ЭлЭм, – то через пол годика можно будет благополучно отправиться греть кости куда-нибудь в Таиланд.

– Хуйланд! – выпаливает Костыль. Предложение товарищей всерьез распалило его давно приспанные амбиции, на пути к реализации которых стеной встала чрезмерная опасливость парня. Из-за такого столкновения «хочу» с «не могу» злость на самого себя острыми клыками выгрызает Костыля изнутри уже не первый месяц.

– Ладно. Допустим, есть продуманный до мелочей план. Но кто нас пустит в «Визави»? Тем более, в ВИП-зал.

Опешивший от агрессивного выпада всегда спокойного Костыля, Свят зависает на пару секунд, после чего отвечает:

– Карета.

– Карета? С чего бы?

– Подумай логически. Мы попали в немилость из-за того, что уводили из катрана заливных клиентов. Теперь же мы придем в гости с толстенной котлетой и купим на нее коробку дорожных фишек. Будь он хоть четырежды гангстером, ему не выгодно нас отшивать при таких раскладах.

– И вообще, с Каретой разошлись краями. Жаль только, что за наш счет.

– Вот. И у нас есть замечательная возможность это исправить.

Костыль бездумно клацает мышкой, глядя сквозь монитор. Постепенно количество столов на экране тает, пока не исчезает и последний.

– Сколько планируете заявлять в игру?

– Триста тысяч. Утроимся, снимем лимон – и по домам.

– Насколько я понимаю, триста кусков вы рассчитываете получить с кредитной темы?

– Да.

– Слишком все просто, вам не кажется?

– А кто сказал, что найти десять бичей при памяти, с документами, да еще и таких, которых не пасут коллекторы, – это просто? При лучших раскладах, будем оформлять по двое-трое бродяг в месяц.

Костыль закуривает прямо в комнате.

– Не помру я своей смертью, – вздыхает парень и поворачивается к товарищам, – давайте еще раз по схеме пройдемся. Я не вник ничерта.

– Вон туда заезжай, – ЭлЭм указывает Костылю на едва заметный поворот, где дорога огибает торговый комплекс. Вовсю жарит августовское солнце, раскаленный черный асфальт плавится и становится похожим на каучук. В салоне машины тихо гудит кондиционер. ЭлЭм открывает бутылку с водой и в несколько глотков осушает половину.

– Ну, и где? – спрашивает Костыль, поправляя на переносице очки.

– Синий недострой видишь? К нему рули. Эльдар сказал, там вечно кто-то ошивается.

Парни выходят у высотного здания, обнесенного забором-вагонкой. Через пыльные панорамные окна видны бетонные перекрытия и голые стены внутри. Забор украшен народным творчеством в виде свастики, матерных выражений и рекламы легких наркотиков, нарисованных аэрозольным баллончиком. Обойдя пол периметра, Костыль с ЭлЭмом находят калитку, через которую попадают на территорию будущего офисного центра. Когда-то здесь будут стоять кредитные «Ланосы» менеджеров среднего звена, сейчас же вокруг здания разбросана стеклотара и шприцы, растет бурьян. Стараясь не вступить ни в какое дерьмо, товарищи проходят вдоль недостроенной высотки и за углом обнаруживают вагончик охранника. Рядом, в тени, на кресле с провалившейся седушкой, спит голый по пояс мужик.

– Тук-тук, – миновав отдыхающего, ЭлЭм ныряет внутрь вагончика, для приличия стукнув один раз по двери. В сторожевом домике настоящая сауна, такое чувство, будто весь кислород оттуда выкачали мощным насосом. Единственное окошко зашторено. На столе – пустые бутылки из-под дешевой водки, черствый хлеб, пачка майонеза и, вероятно просроченные, консервы. Внутри стоит едкий запах перегара и тухлятины. На матрасе покато спят двое мужиков и одна тетка – всем за сорок, все с опухшими лицами, блестят от пота. На одном из них, дядьке с густыми рыжими усами, надеты камуфляжные штаны – видимо, это и есть

организатор вписки. ЭлЭм хочет растолкать его, но передумывает и просто брызгает мужику в лицо водой.

– Какого хера? – возмущенно бормочет тот. Протерев зенки и усевшись на матрасе, он недоуменно осматривает незваных гостей, после чего интересуется: – Вы, блин, кто такие?

– Санэпидемстанция, – отвечает ЭлЭм.

– Не понял.

– Щас поймешь.

Костыль отодвигает ЭлЭма и обращается к усатому:

– Мужик, заработать хочешь?

– Уважаемые пассажиры, начинается регистрация на рейс...

Пока женский голос из динамика перечисляет направления полетов, Свят тащит через терминал чемодан с заевшим колесиком. Следом за ним идет Даша, у нее в руках небольшая дорожная сумка и клатч. Одета девушка в короткие джинсовые шорты, босоножки и полупрозрачное трико-безрукавку. Глаза парочка скрывает за очками, у Даши на плече небольшой синяк. В залах ожидания пассажиры с тотальным безразличием листают журналы, у гейтов то образуются, то рассасываются шумные очереди на посадку.

– Фух, вот он, гейт 9G, – облегченно выдыхает Свят и бросает на пол чемодан.

– Ну, ты чего делаешь? Поднимай, давай, нужно еще багаж сдать.

– Блин, Даша, с твоей Америкой одна морока. Вчера напились, сегодня, вон, чемодан твой поломанный таскаю. Где компенсация?

– Ты офигел? – возмущенным тоном, но с улыбкой на лице говорит девушка. – Ты вчера компенсации на год вперед получил, еще и синяк мне поставил. Так что отработывай.

– То есть, ты мне вчера еще и одолжение сделала?

– Хватай чемодан быстрее, там сейчас очередь набегит.

Просканировав билет, упитанный сотрудник аэропорта выдает Даше посадочный талон и, тяжело дыша, грузит чемодан и сумку на багажную ленту. Всего из-за нескольких движений на его лбу выступают мелкие капельки пота.

– Полтора часа до посадки, – сообщает Даша, – можем кофе выпить.

– Мне бы водички, – жалобно протягивает Свят.

В новостях, которые крутят по телевизору в кафе аэропорта, ничего нового: кадры развороченных строений в зонах боевых действий, выступления откормленных политиков и, обязательно, милые ролики со зверушками – единственное, что разбавляет мрачную картину этого мира. Даша и Свят сидят за столиком с видом на терминал. Парень держит у виска бутылку воды.

– В следующий раз сама будешь свой ликер пить.

– В следующий раз мы будем пить хороший американский бурбон.

– Только когда он будет, этот следующий раз.

– Не поверю, что тебя так напрягает мой отъезд.

– Да, чего уж там. Я даже рад. Поживу спокойной жизнью, – паясничает Свят.

– Вот о спокойной жизни я и хотела поговорить. Пообещай мне, что не вляпаешься ни в какую передрягу, пока меня не будет.

– В передрягу?

– Да. Не ищи приключений, после которых тебя придется отхаживать как в прошлый раз.

Не хочу, чтобы твоя мать видела сына с гематомой на пол рожи.

– То есть, меня некому полечить, кроме тебя или мамы? Плохо ты знаешь своего парня.

– Засранец такой, – Даша бьет Свята ногой под столом. – Ну, я серьезно. Ты мужчина, у тебя амбиции, жажда острых ощущений. Но ты же видишь, в какие дебри тебя завела игра.

В этот раз ты отделался сломанным носом, а что, если в следующий вместо травматолога ты уедешь к другому врачу, на нулевой этаж?

– Ты такая смешная, когда паникуешь. Я же тебе говорил: тогда мы просто нарвались на беспредельщиков. Причем здесь покер вообще?

– Мне-то не вешай на уши, пожалуйста. По-моему, я заслуживаю твоего доверия.

Пенка от капучино остается на верхней губе Даши. Свят вытирает молочный след и при-слоняет ладонь к лицу девушки.

– Думаешь, я рад такому образу жизни? Просто на данный момент я не вижу других путей самореализации. А, как ты правильно заметила, я мужчина и у меня есть амбиции.

– Все так говорят, пока их не затянет.

– Куда?

– На глубину, откуда бывает невозможно выбраться. Вот ты плывешь-плывешь, а потом раз – и обнаруживаешь, что тебе не хватит кислорода подняться наверх.

– Дернул меня черт выбрать себе умную девушку. Но, все равно, я не понимаю, к чему ты клонишь.

– Все ты понимаешь. А, если нет, я очень надеюсь, что поймешь вовремя.

– Даш, не загоняйся. Я знаю, что делаю. Тем более, я ведь не бандос – ни убивать, ни сажать меня не за что.

– Ладно, пообещай хотя бы, что мне не придется лететь из Штатов на твои похороны.

– Обещаю. Вот увидишь, после смены обстановки все твои негативные мысли выветрятся.

– Надеюсь, так и будет.

Когда подходит очередь Даши на посадку, девушка обращивается к Святу.

– Я постараюсь обустроиться поскорее, чтобы в ближайшие полгода ты уже смог прилететь в гости. А ты пока собирай документы на визу.

– Только на этот раз – никаких ликеров.

– Я же сказала – мы будем пить бурбон.

Они целуются, и Даша исчезает в коридоре, ведущем к взлетной полосе.

Виляя бедрами и широко улыбаясь, ринг-герл в красном купальнике проходит вдоль канатов ринга. Табличка над ее головой оповещает зрителей о начале пятого раунда. Голос артистичного конферансье теряется в свисте и шуме взбудораженной толпы. На мгновение на огромном экране появляется окровавленное лицо Игорька – алые струйки стекают от виска по правой скуле, подбородку и дальше – по часто вздымающейся грудной клетке. Потное тело спортсмена блестит в свете прожекторов. Боксерчик кивает головой, внимая советам тренера – пожилого мужчины с залысиной, которому приходится рвать голосовые связки, чтобы докричаться до подопечного. С другой стороны секундант влажной губкой вытирает физиономию Боксерчика, но кровь, как назло, не останавливается. На дальних рядах гонга не слышно, по невидимой команде бойцы сходятся в центре ринга. Игорек тут же пропускает хлесткий удар в корпус от соперника – высокого худощавого азербайджанца со следами ожогов на спине. Ответный хук идет «в молоко», оппонент резво передвигает ногами по настилу – и вот он уже забивает Игорька у канатов. Когда Боксерчик уходит из-под града ударов, его лицо по цветовой гамме напоминает переспевший помидор. Избиение продолжается на протяжении всего раунда. От рева толпы, кажется, сейчас рухнут подпорки ледовой арены. В конце раунда Игорек предпринимает попытку контратаки, но, как только он прижимает азербайджанца к канатам, раздается гонг. Сцепившись в клинче, бойцы что-то кричат друг другу, и рефери с трудом удаётся развести их по углам.

Игорек выплевывает капу и что-то требует у секунданта. Поначалу тот не соглашается, но, в конце концов, поддается и приводит доктора. Прямо на ринге, без анестезии, Игорю наскоро штопают бровь. Зритель в диком, животном восторге. У канатов снова появляется женская попка в красных купальных трусах. Кровь больше не заливает Боксерчику глаза, зато правое веко вздулось и побагровело.

Обмен скользящими ударами, Игорек ныряет под боковой соперника и мощно бьет по корпусу азербайджанца. Боксерчик обрушивается на него всю свою ярость и оттесняет в противоположный угол. Парень возвращает себе преимущество, раунд определенно будет за ним. Посреди боя ситуация выравнивается, хотя, казалось, для Боксерчика все закончится в ближайшие тридцать-сорок секунд.

Поединок затягивается. Десятый раунд ожесточенной мясорубки. Теперь настил кровью пачкает азербайджанец. Близится финальный гонг. Все чаще спортсмены прижимаются друг к другу в клинче, чтобы перевести дыхание, моментами руки обоих обвисают как плети. Бойцы с трудом передвигаются, в их глазах не осталось ничего, кроме первобытного инстинкта – добей врага или он добьет тебя. Боксерчик напирает, несколько раз попадает по оппоненту. И тут прилетает он – коварный боковой в печень. Резкая, парализующая боль пронзает Игоря, отнимая дыхание и волю к нахождению в вертикальном положении. Скрючившись пополам, Боксерчик падает на настил ринга. Свет для него гаснет. Рефери прекращает бой за полминуты до конца последнего раунда.

В раздевалке стоит запах пота и сырости. Боксерчик лежит на лавке с закрытыми глазами, приложив к лицу пакет со льдом. За дверьми гудит толпа, покидающая арену.

– Можно? – ЭлЭм заглядывает внутрь, пропуская впереди себя Свята.

– Кого там еще? – приподнимается на локтях Боксерчик. Кажется, что по правой стороне его лица проехали катком. – А, это вы.

– Видели бой. Ты достойно смотрелся.

– Спасибо, – Игорь отбрасывает пакет, с трудом встает и ковыляет в сортир.

– Где они этого азера достали? – бросает ему вслед ЭлЭм.

– Из «Леона» привезли. Сменили оппонента за две недели до боя, – отвечает Боксерчик, вернувшись из туалета. Под ребрами у него синее ушиб.

– Зачем драться согласился? – спрашивает Свят. Игорек награждает его скептическим взглядом, но отвечает спокойно, отведя глаза:

– Как всегда – все решают бабки. Организаторы предложили хороший гонорар.

– Кстати, о гонораре... – говорит ЭлЭм. – Конечно, сейчас не в тему, но все-таки.

– А я-то думаю. Сейчас.

Боксерчик достает из кожаной сумки свернутый черный пакет и бросает ЭлЭму:

– Держи. В расчете.

– Все четко прошло?

– Оформили, как полагается. С одним клиентом терки были, но мы разрулили ситуацию. Заглянув в пакет, ЭлЭм недвусмысленно смотрит на Игоря:

– Как и договаривались?

– Да, за три последних клиента. И, это, пока берем паузу.

– Что-то не так? – спрашивает Свят.

– В банке какие-то проверки, точно я не в курсе.

– Проблемы?

– Нет. Обычные формальности.

Боксерчик возвращается на скамью и снова прикладывает к помятому лицу пакет со льдом.

– Тогда на связи, – говорит ЭлЭм.

- Ага.
- Ждем реванша.
- Валите уже.
- Игорек! – на выходе окликает спортсмена ЭлЭм.
- Чего тебе?
- Витамины ешь. Говорят, помогает.

Человеку, часто бывающему в покерных клубах, обеспечено стойкое ощущение дежавю. За полгода в «Визави» почти ничего не изменилось – все тот же гул от перебирания фишек, все те же бурные обсуждения проигранных банков на курилке, где никогда не спадает завеса сигаретного дыма, все тот же ковер болотного цвета на полу. Появился только новый охранник, который и встречает Свята с Костылем.

– Кто сегодня менеджер? – спрашивает у него Свят. Костыль держится чуть позади, с небольшим саквояжем в руках.

- Алиса Викторовна, – отвечает охранник.
- Алиса? Это хорошо. Позови ее.

Когда охранник оставляет их, Свят поворачивается к Костылю:

- Ну, как? Жим-жим?
- Да, – отмахивается тот, – один раз живем.
- Повезло, что сегодня Алиса работает.

– Какая разница?

– С ней будет легче договориться. Ни к чему Карете знать о нас, пока не заберем выигрыш.

Алису им приходится ждать минут двадцать. Заметив стройную брюнетку в деловом костюме, Свят, улыбаясь, подается ей навстречу.

– Привет, мадам.

– Мадемуазель, – строго поправляет его Алиса. – Что вы здесь делаете? – она косится на Костыля. – Ты же знаешь – у вас блэк-лист.

Свят берет Алису под локоть и отводит в сторону. Сблизившись с девушкой, он улавливает легкий цветочный аромат духов с древесно-мускусными нотами. Мало кто знает, что Алисе уже тридцать один, хотя выглядит она не старше двадцати пяти. Беспристрастная, но слегка ироничная манера поведения прибавляет ее образу привлекательности. Но аккуратное золотое колечко на безымянном пальце намекает о бесперспективности всяких поползновений со стороны азартных и, порой, влиятельных посетителей «Визави».

– Я помню про «блэк», – говорит Свят. – Но мы не просто так пришли.

– Вот как? – ведет бровью менеджер.

– Нам нужно два места на ВИПе.

Девушка внимательно изучает Свята, после чего спрашивает:

– Ты хорошо подумал?

– Алис, мы просто хотим поиграть. Без всякого там.

– Допустим. И на сколько?

– Триста тысяч.

Алиса продолжает смотреть Святу прямо в глаза, он отвечает ей тем же.

– Хорошо. Давайте деньги и ждите на курилке.

– Спасибо, – улыбается Свят и дает знак Костылю принести саквояж.

– Только учти – я беру на себя ответственность, пуская вас за стол. Если что-то не так...

– Мы столько рейка нагоняем, что Карета нам еще спасибо скажет.

Задумчиво пуская колечки дыма, Свят выслушивает бессвязные рассказы «убитого» молодого мажора, когда на курилке снова появляется Алиса. Кивком девушка подзывает Свята

с Костылем и ведет их к кассе, при этом властно наблюдая за происходящим на каждом игровом столе.

– Держи, – Алиса протягивает в окошко четыре прозрачных коробки с фишками. – Игра уже идет. И, Свят, чтобы без фокусов.

– Все будет огонь. Не волнуйся.

Свят и Костыль исчезают за массивными дверьми ВИП-зала. Поместив в счетную машинку пачку денег из саквояжа и нажав на кнопку, Алиса говорит:

– Да это не мне волноваться нужно.

Большая хрустальная люстра под украшенным лепниной потолком ВИП-зала нависает над овальным столом в центре комнаты. Сюда не удалось пробиться шумихе, гуляющей по остальной части клуба. Чувствуется атмосфера дружеской домашней игры – словно лудоманы собрались в гостях у одного из своих, чтобы опрокинуть по стаканчику и погонять фишки. Эдакий *gentlemen club*. На кожаном диване, раскрыв рот и обнажив желтые зубы, спит человек в джинсах и плаще – Витя Беспалый, владелец сети борделей, плотно сидящий на порохе*. За столом четверо игроков. Альфред Палыч, пожилой миллионер – давно перевел все активы в оффшоры, заделал в шестьдесят с лишним лет наследника и, растягивая удовольствие от жизни, не торопясь встречает, а, может, уже и провожает старость. Миша Депутат, толстяк в трещащей по швам розовой рубашке – собственно, чиновник городского совета, завсегдаятай казино и покерных клубов; любимое блюдо – тендеры, любимый напиток – кровь налогоплательщиков. Вечно мучается от голода и жажды, не стесняется удовлетворять свои потребности, отчего из года в год увеличивается не только он сам, но и его банковские счета. Букмекер, сорокалетний бизнесмен, владеет недвижимостью в больших количествах – один из самых азартных людей города, балующийся всем – от ставок на собачьи бега до игры в китайский покер по несколько суток. Саша Любезный – профессиональный катала, посвятивший всю свою жизнь малоизвестным высокооплачиваемым наукам.

При виде этой сладкой компании у Свята засосало под ложечкой от предвкушения и желания поскорее взять в руки карты.

– Здравствуйте, – говорит он, подходя к столу.

– А, молодежь пожаловала, – Любезный бесцеремонно с ног до головы осматривает вошедших. Альфред Палыч отвечает на приветствие сдержанным кивком. Букмекер даже не отрывается от планшета, с которым таскается всегда и везде.

Свят и Костыль садятся друг напротив друга и выставляют фишки.

– Играем Холдем, с обязательным страдлом, – сообщает дилер, замешивая колоду.

– И миссисипи, – недовольно добавляет Букмекер.

– Без проблем, – отвечает Свят, вдруг поймав на себе цепкий взгляд Любезного. Улыбнувшись, тот подмигивает Святу.

Можно многое сказать о человеке по его манере игры. Например, Альфред Палыч. Он весь вечер совершает нелогичные, заведомо убыточные, а порой и откровенно глупые действия, ни капли не переживая о проигранных деньгах. По-доброму подшучивая над окружающими и, что главное, над самим собой, миллионер демонстрирует, что находится здесь развлечения ради. То ли дело Букмекер – постоянно норовит обыграть кого-то, выдать из банка, заблефовать – одним словом, доказать, чей хер длиннее. Что касается Депутата, то этот товарищ просто оставляет за столом месячную зарплату целого коллектива какого-нибудь мелкого коммунального предприятия, упиваясь собственным пафосом. «Красивый понт – дороже денег» – это про него. На самом деле, в каждом из этих сатиричных образов присутствует весомая доля истины, ведь редко встретишь человека, сажающегося за покерный стол с целью не поиграть, а заработать. Таким является Саша Любезный. Сутулый мужчина с обветрен-

ным лицом и впавшими глазами, виртуозно перебирающий костлявыми пальцами пластиковые фишки. Свят слышал истории о туманном прошлом каждого из присутствующих, но именно о Любезном больше всего говорят в игроцких кругах. И говорят столько всего, что правда давно смешалась с вымыслом. Тем не менее, о тернистом жизненном пути каталы свидетельствует его манера поведения, среда общения и, отчасти, внешность. Любезный – из сидельцев. Но за что именно он сидел – достоверно не знает никто.

Войдя в игру, Костыль занимает оборонно-выжидательную позицию. Свят же сходу начинает раскачивать обстановку, играя агрессивно и жестко. В одной из раздач он делает огромную ставку в блеф против Депутата. Неожиданно для самого Свята, тот задумывается. Парень вгрузил в банк почти половину своего стека, и проиграть эту раздачу означало бы поставить под угрозу весь их план. По выражению лица чиновника Свят понимает, что тот всерьез помышляет над коллом. Время затягивается. Грудная клетка Свята все сильнее содрогается от ударов сердца. Вспотели не только ладошки, но и ступни ног.

– Что у тебя? – вдруг спрашивает Депутат.

Волнение берет верх над Святом. Боясь выдать себя, он решает промолчать. Депутат презрительно смотрит на парня, чешет репу и уже тянется к фишкам, но в последний момент раздраженно выбрасывает карты в пас. Видно, что это решение дается ему с трудом. Волна облегчения прокатывается по телу Свята.

– Фух, – говорит он, загребая фишки. – Я уже думал, вы заколлируете, – Свят пытается держаться непринужденно, хотя его голос заметно подрагивает.

Скривившись, Депутат обдаёт парня перегаром:

– Какой-то ты резкий, дядя. Не боишься попасть?

– Боялся бы – не сел бы за стол.

– Ну-ну. Теперь-то хоть покажи карты.

Чиновник тянется к картам Свята, но тот опережает Депутата и бросает их в общий отбой, который находится возле дилера.

– Тебе жалко или че? – рычит пьяный чиновник, но, к счастью Свята, в спор вмешивается Любезный:

– Евгенийч, кончай грузить пацана.

Депутат хочет возразить, но осекается, столкнувшись с мертвецки спокойным взглядом Любезного. Это спокойствие – лишь ширма, скрывающая за собой глубокий колодец тех проявлений человеческой сущности, перед которыми обычные люди испытывают подсознательный страх и смятение. Допив бокал коньяку, Депутат с недовольным лицом принимается считать остатки фишек.

Выиграв банк у Депутата, Святу, наконец, удается побороть давление, вызванное дороговизной игры. Теперь он чувствует себя в своей тарелке. Без сожаления раздарив несколько стеков, Альфред Палыч прощается и в сопровождении личной охраны покидает ВИП-зал. Витя Беспалый все так же похрапывает на диванчике. Таких людей зачастую привлекает сама атмосфера игорных заведений, поэтому они проводят в казино много времени, порой даже не участвуя в катках. Букмекер окончательно залип в планшет и почти выпал из игры, зато все компенсирует щедрость Депутата – он уже не ныряет в барсетку за деньгами для докупок, а играет в долг, под запись. Всю ночь чиновник заливается коньяком, по его спине и подмышкам расплзлись темные пятна пота. Каждые полчаса Любезный закуривает крепкую сигарету, выветрив запах которой не удается даже кондиционеру.

Около трех часов ночи происходит смена дилеров. Теперь раздаёт Дима – черненький, чуть лопухий крупье с мышинной физиономией. Он никогда не заводит личных бесед с игроками, ходит то ли с серьезной, то ли с кислой миной и постоянно поправляет бабочку на шее. Дима – один из самых конфликтных, но в то же время виртуозных дилеров клуба. Хотя клиенты

постоянно жалуются на его бескомпромиссность в решении спорных моментов и некоммуникабельность, Дима высоко ценится руководством за профессионализм в обращении с картами.

– Девяносто, – Саша Любезный, у которого самый большой стек за столом, выдвигает башенку десятитысячных фишек. На бордовом сукне в ряд выложены три карты трефовой масти, и крупье уже готов достать из колоды терн*. Заглянув в карты, Букмекер пасует. Свят тоже поднимает свой картон, но только для того, чтобы еще раз убедиться – у него старший флеш. Зажав между большим и указательным пальцами три розовых фишки, он начинает катать верхнюю из них туда-сюда.

– Колл, – говорит парень, сделав глоток пива.

Следующий ход за Депутатом. Недолго думая, он разбрасывает по столу оставшиеся фишки.

– Алын!

Чиновник поворачивается к Святу и впивается в него тупым выжидательным взглядом – мол, где теперь твоя смелость? Все давно привыкли к пьяным выходкам Миши Депутата, поэтому никто не обращает на него внимания.

– Ваше слово, – говорит дилер Костылю.

– Поддержу коллектив, – заявляет тот. – Двести пять.

Три высоких горки пластика оказываются за белой линией разметки боксов. Видимо, устав пялиться на Свята, Депутат бросает эту затею и тянется к бокалу с коньяком.

– У тебя хоть деньги на такси остались? – играя желваками с сизым налетом щетины, спрашивает у Костыля Любезный.

– Не волнуйся, доеду на маршрутке, – Костя отвечает немного резче, чем следует.

– Поверь мне, здесь о тебе не волнуется ни одна живая душа, – сбив пепел, Любезный запрокидывает голову на спинку кресла. Острый кадык выступает на шее мужчины. Горький дым его сигарет вползает в ноздри сидящих за столом. Костыль, будто для перестраховки, заглядывает в карты. На руках у него – пустота.

– Я колл, – кивает Любезный дилеру.

– Я так понимаю, деваться мне некуда, – говорит Свят. Любому мало-мальски опытному картежнику знакомы эти далеко не первосортные понты, но без них покер не был бы покером. – Полетели. Четыреста.

На самом деле, деваться некуда Любезному – и они оба об этом знают. Когда нужно доставить двести тысяч, чтобы забрать банк около миллиона, решение напрашивается само по себе.

– Ну, давай сбегает, – Любезный вонзает в сукно стопку самых дорогих фишек и выпускает носом дым. Разыгравшийся экшн отрывает от планшета Букмекера, и даже Депутат с виду трезвеет и забывает о конфликте со Святом – теперь в его глазах блестит невинное любопытство: чем же все закончится.

– Уважаемые игроки, вскрываем карты, – объявляет дилер и поправляет бабочку.

– У нас есть агрессоры, – кивает Любезный на Свята, – с них и начнем.

Внезапно открывшаяся дверь впускает внутрь шум общего зала. Официантка вносит поднос с напитками.

– Пожалуйста, ваши карты, – проигнорировав Любезного, Дима обращается к чиновнику. Тот, кажется, и вовсе забыл о своем участии в раздаче.

– Мои? – спрашивает Депутат. – А, да. Вот, – он по очереди переворачивает валета с семеркой – у него самое младшее совпадение. Но собственный результат явно волнует его меньше всего.

Следующим вскрывается Костыль. Все, что он может продемонстрировать – это одна карта трефовой масти, дающая шанс собрать флеш.

Любезный показывает пару королей.

– Да я еще и неплохо стою! – изображает удивление катала. Те самые дешевые понты. – Слушай, ты точно на маршрутке доедешь? – обращается он к Костылю. – Если что, могу одолжить.

Костя отмалчивается, до боли сжав под столом кулак. Очередь доходит до Свята.

– Молодой человек, будьте добры, ваши карты.

– На здоровье, – Свят переворачивает туз десять в трэфу, образующие старший флеш – беспроигрышную по такой доске комбинацию. Чтобы раздачу выиграл кто-нибудь из соперников, на стол должны лечь две обязательные карты. Вероятность такого исхода – менее пяти процентов. Свят забывает обо всем на свете, для него не существует ничего и никого, и лишь одна мысль зависает в голове: «Только без грязи».

– Что ж, по ходу дела, на такси придется занимать мне самому, – говорит Любезный. – Да, Димочка?

Привыкший к негативным выпадам в свою сторону, дилер пропускает слова каталы мимо ушей. Двойное постукивание по сукну. Открывается четвертая карта – король. Теперь у Любезного есть шансы собрать фулл-хаус. Подобная ситуация, когда оппоненту приходят две нужные карты подряд, в покерной терминологии называется «бэкдор».

В момент все самообладание Свята иссякает. Чтобы унять неистовую дрожь в пальцах, он кладет руки на стол. Но Любезный замечает, как побелели ладони парня.

– Ты чего так трясешься? – спрашивает катала. – Не бойся, все будет хорошо, – Любезный говорит нарочито дружелюбно, по-отечески заботливо, мелодичным вязким тоном, который очень быстро может ввести в заблуждение.

На кону – самый большой банк в жизни Свята, Костыля и сидящего в салоне «Шкоды» ЭлЭма. Сколько ночей они провели в душных залах катранов, а, завалившись утром спать, видели во снах калейдоскопы карточных мастей; сколько раз из-за неопытности они стояли на грани беспросветного банкротства прямо в самом начале своего игорного пути; сколько раз благодаря везению их переезжали* совершенно левые в покере люди. Но сегодня этого не произойдет. Ведь от жизни, в которой им не придется поддакивать бредням алкашей по ночам и отмывать от грязи бичей, их отделяют всего несколько процентов вероятности. Игроки часто спорят, что важнее – фарт или математика? Правда в том, что настоящий фарт – это когда математика срабатывает в нужный момент.

Свят встает из-за стола. Ему даже кажется, что он чувствует колебания сукна от ударов кулака дилера. Этот момент, этот самый момент, когда неизвестность приоткрывает завесу и с разрисованной цветастой картонки подсказывает, на чьей стороне сегодня удача. Уж, не из-за этих ли секунд предвкушения, когда реальность ставится на паузу, а все внутренности оказываются подвешенными на тонкие, острые крючки, не из-за этих ли мгновений тысячи людей ежедневно садятся за игорные столы? Свят никогда не охотился за подобными ощущениями, но они – неотъемлемая часть игры, как и дешевые понты, сигаретный дым и повсеместное наебательство. И какими бы ушлыми и теоретически подкованными ни были Свят с Костылем, в самый нужный момент удача от них отвернулась. За рубашкой карты ривера* скрывалась еще одна семерка, дающая Саше Любезному победный фулл-хаус.

– Победа игрока на пятом боксе, – непоколебимо выносит вердикт дилер. И обжалованию это решение не подлежит. Игра продолжается, пока не открыта последняя карта. Все можно изменить до этого момента. Но не после. Дима копошится в куче пластика, отсчитывая рейк. Фишки со звоном проваливаются в металлическую коробку под столом сквозь узкую щель, только Свят не слышит этого звона. В его ушах стоит жуткий писк, а взгляд намертво прикипел к семерке бубен. Диме едва удастся вывести парня из транса:

– Молодой человек, подайте, пожалуйста, карты, – дилер машет рукой перед лицом остолбеневшего парня.

– Чего тебе? – отстраненно спрашивает тот.

– Карты.

Свят не подает крупье карт. Вместо этого он обводит взглядом собравшихся: Букмекер, получив свою дозу адреналина, а, может, даже испытав эрекцию от зрелищной раздачи, снова втыкает в планшет; Депутат, поджав губы, задумчиво кивает головой, словно болванчик; за другим концом стола Костыль – на лице парня застыла странная, маниакальная ухмылка; Любезный, не сказавший после раздачи ни слова, мерно расставляет фишки башенками – такое чувство, что во впадинах его глаз давным-давно вымерли всякие эмоции. Вдруг Костыль срывается с места, опрокидывает залпом бокал коньяка с чиновничьего подноса и, гаркнув дверью, вылетает с ВИП-зала. Через минуту в комнату вбегает взволнованная Алиса:

– Что у вас случилось?

Она смотрит на Свята, стоящего у стола с бледным лицом и потерянным видом. И гадать нечего – ей все понятно.

– Дима? – обращается девушка к дилеру.

– Все хорошо, Алиса Викторовна. Обычная игровая ситуация.

– Можешь идти, Алисочка, – добавляет Любезный, – все в норме.

Свят встречается с девушкой взглядами, но та, предвещая его немой вопрос, отвечает: «Сами напросились».

– Алисочка, запиши на меня еще сто, а? – гундосит Депутат.

– Михаил Евгеньевич, размер кредита доверия к вам – как к самому порядочному клиенту нашего заведения. Надеюсь, у нас не возникнет проблем?

– Не первый год замужем, Алиса, э, Викторовна, – чиновник пытается положить пухлую ладонь на талию девушки, но та деликатно ускользает:

– Хорошо, сейчас принесут фишки.

– Пускай побыстрее несут, – капризно ворчит Депутат.

– Дима, зайдешь потом ко мне, – холодно говорит дилеру Алиса и покидает ВИП-зал.

Включается кондиционер, но Свята не отпускает колючий жар, охвативший все тело.

– На вас раздавать? – интересуется крупье.

– Нет, – едва ворочает языком Свят. – Я все.

Чувство обиды и негодования за коварный проигрыш, знакомые каждому игроку, не терзают парня – густой пеленой его мозги укутала пустота. Полное безразличие к происходящему, желания и сил нет даже на то, чтобы бросить в рожу дилера карты. За столом уже идет новая раздача, Букмекер, наконец, откладывает в сторону планшет, даже Витя Беспалый приходит в себя и, сладко зевнув, подсаживается к Любезному. Свят шаркает к выходу, пропуская мимо ушей и впрямь любезное «Заходи еще!». В ноздрях застревает горечь сигаретного дыма.

Часть 2. Артисты

Что мое – не потеряю, у судьбы свое отыграю
Мурат Тхагалегов, «Душа бандита»

Январь 2015 года

– Итак, вы хотите застраховать собственную жизнь на девять миллионов?

Лучи зимнего солнца пробиваются в офис через жалюзи. Уютно гудит воздушный обогреватель, за соседним столом шелестит бумагами клерк.

– Да, все верно, – засучив рукава пиджака, отвечает парень с волнистыми, старательно зачесанными набок волосами.

– Михаил... Я могу обращаться к вам так? – вежливо интересуется сотрудник страховой компании.

– Конечно.

– Так вот, Михаил. Подобная страховка предусматривает ежемесячный взнос в размере двадцати тысяч гривен. При этом максимальный срок ее действия – пять лет, после чего будет необходимо перезаключить договор. Вы готовы к таким издержкам?

– Ну, как бы, готов, – говорит клиент, чавкая жвачкой.

– Отлично. Но есть еще один нюанс, о котором я должен вас предупредить.

– Какой? – хмурясь, парень косится на другого работника – тот с головой погружен в бумажную волокиту.

– Страховая компенсация выплачивается ближайшим родственникам только в случае насильственной смерти или гибели клиента в результате несчастного случая. Скажите, вам никто не угрожает?

– Я ведь привез вам выписки медицинских обследований, – Миша скрещивает на груди руки и втягивает шею. – Я здоров.

– Конечно, я внимательно изучил предоставленные вами справки, – кивает сотрудник, заполняя пустые графы договора. – И, тем не менее. Вы занимаетесь экстремальными видами спорта?

– Никогда не занимался. Ну, разве что..., – парень хлопает ладошкой по сжатому кулачку, – вы понимаете.

– Эм, ну да, – сдержанно улыбается клерк. – Может быть, частые путешествия?

– Не думаю.

– Вы водите машину?

– Предпочитаю такси.

– Хорошо. Отлично, – клерк росчерком ставит подпись на последней странице документа. – В таком случае, ознакомьтесь с договором и, если вас все устраивает, распишитесь там, где стоят галочки.

Словно конфету ребенку, он вручает Мише авторучку. Тот пробегает глазами по тексту, не особо вникая в содержимое. Пока Миша читает документ, клерк успевает сделать глоток кофе из кружки с логотипом страховой компании.

– Ну, я со всем согласен, – Миша оставляет по автографу на каждой копии договора.

– Что ж, поздравляю. Теперь ваша жизнь стоит девять миллионов. Сейчас нужно будет спуститься в кассу на третий этаж и оплатить первый взнос.

Солнце отблескивает в матовых экранах потухших мониторов. Почти все рабочие места в офисе пустуют. Принтер с шумом выплевывает чек.

– Вот, пожалуйста, – клерк протягивает Мише бумажку, – после того, как оплатите, занесите мне квитанцию.

Выйдя на улицу, Миша достает телефон и набирает номер. Снег скрипит под подошвами ботинок парня. На парковке бизнес-центра одинокие машины ждут своих хозяев – большинство сотрудников еще не вышло на работу после зимних праздников.

– Говори, – отзывается голос в трубке.
– Только что вышел из офиса страховой. Сделал все, как мы договаривались, – деловито сообщает Миша.

– Молодец, Мишаня. Оплатил первый взнос?

– Да, двадцать кусков.

– Чеки, договора – все забрал?

– Слушай, за кого ты меня принимаешь? – обиженно спрашивает парень.

– Ладно-ладно. Сегодня вечером встречаемся в «Икре». Знаешь, где это?

– Дай подумать, – Миша затягивает паузу, так как слышит о заведении впервые. – Черт, крутится в голове, но не могу точно вспомнить.

– В девять часов будь у «Пассажа», я тебя заберу. И не забудь документы.

– Договорились. До встречи.

Последние слова улетают вслед оборванным гудкам.

Все произошло так быстро и неожиданно, что Джаба, двукратный чемпион Европы по греко-римской борьбе, даже не успел застегнуть ширинку. Дверь в уборную с ударом распаивается, и внутрь, рассекая перед собой воздух автоматом, влетает высокий человек в балаклаве и бронежилете.

– Всем стоять! Работает ОБНОН!

Действуя инстинктивно, Джаба мгновенно вскидывает руки вверх, позволив брюкам сползти на пол.

– Стою, стою, не бегу, – прищурился один глаз, кавказец слегка поворачивает голову в сторону, опасаясь удара прикладом.

Вслед за первым спецназовцем в сортире появляется еще один. Осмотрев все кабинки и не застав там ни брокеров, нюхающих порох с трясущихся коленок, ни длинноволосых чикс подшофе, делающих своим спутникам на один вечер безжизненные минеты, спецназовцы возвращаются к коренастому кавказцу с неорганично раздутой шеей, стоящему посреди туалета со спущенными штанами. Громила в балаклаве басит:

– Наркота есть с собой?

В это время его напарник разминает кулак в кожаной перчатке.

– Нэт ничего такого, ни в коем случае.

– А трава?

– Нэту ничего, я спортсмен. Слюшай, дай брюки надеть?

– Че, даже травмат за пазухой не найду?

– Зачем мне травмат? Я мирный человек, – максимально искренне отвечает Джаба.

– Что ж за контингент такой пошел в ночных клубах, – разочарованно говорит спецназовец и дает знак напарнику выходить. – Ладно, мирный человек, надевай брюки и двигай в зал.

Джаба быстро подтягивает штаны и уже вышагивает из кабинки, но ему в грудь упирается дуло автомата:

– Толчок за тобой я смывать буду?

В клубе творится сумятица, по некоторым меркам граничащая с беспределом. Люди в масках и с оружием наперевес расхаживают между столиков, тормоша поклонников альтернативной музыки и «Визина» для проверки документов, а то и капитального шмона. Пиджейки, словно стайка всполошенных птишек, спустились со своих площадок и, накинув шелковые халатики, толпятся у входа в служебные помещения. Внезапно включается общее освещение. Свет бьет по глазам посетителей – некоторые из них, шурясь, пытаются понять, где они находятся и какой нынче год на дворе. За диджейским пультом появляется человек в коричневой

кожаной куртке с болтающейся сбоку кобурой. Колонки отзываются вежливым, слегка раскумаренным голосом:

– Уважаемые гости. В заведении проводится операция Отдела по борьбе с незаконным оборотом наркотиков. Оставайтесь на своих местах и приготовьте документы. Не хулиганьте, и тогда мы расстанемся в ближайшее время. Если только кто-то не захочет проехать с нами. Спасибо за внимание.

После обращения незваного гостя публика постепенно оживает: девушки начинают кокетничать со спецназовцами, за столами возобновляются беседы, на минимальной громкости играет музыка. Все эти люди не привыкли удивляться подолгу – к любым непривычным ситуациям и новым знакомствам, пусть даже таким, они адаптируются столь же быстро, как и к новым видам наркотиков.

– Вечер добрый. Документы предъявите, – помаячив корочкой, сотрудник в штатском, сопровождаемый автоматчиком, обращается к ЭлЭму и Мише, которые сидят у барной стойки.

– Пожалуйста, – ЭлЭм протягивает два заранее приготовленных паспорта.

– Наркотики употребляли? – мент переводит взгляд с фотографии в паспорте на самого ЭлЭма.

– Исключительно алкоголь и исключительно качественный.

– Держи, – сотрудник возвращает паспорт. – А товарищ? – он недоверчиво смотрит на Мишу.

– Товарищ – спортсмен, – отвечает за него ЭлЭм.

– Ты просмотри! Куда ни глянь, одни спортсмены, а? – обращается сотрудник к автоматчику.

– Какой-то он щуплый для спортсмена, – грубо отвечает тот. – Бегун, что ли?

– Шахматист, – пытается съёрничать Миша, но тут же осекается, заметив, что автоматчик тянется в нагрудный карман.

– Ану-ка, – спецназовец достает небольшой фонарик и вплотную подходит к Мише, – открой глазки пошире, шахматист.

Миша замирает на барном стуле, боясь даже дыхнуть в сторону спецназовца.

– Подбуханный немного, но вроде не долбил.

– Да хер с ними, идем дальше, – отвечает сотрудник в штатском. – Хорошего вечера.

– В качалку запишись, спортсмен, – автоматчик хлопает Мишу по плечу чугунной ладонью и удаляется вслед за начальством.

– Ну и ночка, – ЭлЭм прикладывается к стакану с выпивкой. – Еще и бармен пропал куда-то.

– Тупые амбалы.

– Расслабься, Мишаня.

– А кто здесь напрягается? Мне вообще побоку, – гоношится Миша, приглаживая рукой волосы.

Всеобщий кипишь длится еще около часу, после чего в колонках снова раздается раскумаренный голос. Судя по реакции публики, его владельцу посетители рады больше, чем заурядному диджею.

– Всем спасибо за содействие. К сожалению, мы вынуждены с вами попрощаться. Хорошего вечера, ведите здоровый образ жизни, ну и, – мент берет небольшую паузу, – до новых встреч, конечно же!

Последнюю фразу «обноновца» зал встречает восторженными выкриками и аплодисментами. За час с лишним спецназовцы успели стать органичной частью тусовки. Гости в погонах удаляются, уводя с собой пару кандидатов на прохождение наркотического теста. Одного из них пришлось отбивать у истеричной пьяной спутницы, не желающей отдавать кавалера в лапы представителей правопорядка. Тухнет свет, музыка становится громче, на пиджейские

пульты возвращаются танцовщицы в бикини. Взбодренные неожиданным визитом, посетители клуба стягиваются за выпивкой, у бара образуется столпотворение. Пока ЭлЭм отошел в уборную, Миша вкрадчиво оглядывается по сторонам и взбалтывает в стакане виски со льдом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.